

83.3(2=411.2)6-8
Л 14

Н. Рубин

Сергей Лагерев

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

83.3(2=411.2)6-8

Л 14

Сергей Лагереv

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

9001066339

1501
КР

МБУК ЦБС г.Сургут

Инв № 21061501

Библиотека КР

Сургут
2021

ББК 83.3 (2= 441.2) 6 – 8
УДК 821. 161. 1. 09
Л 14

Л 14 Лагереv С.А. «Светлая печаль» – Сургут:
«Библиографика», 2021. – 136 с.

Автор-составитель выражает искреннюю благодарность друзьям и сотрудникам Централизованной библиотечной системы Сургута за помощь в издании этого сборника.

Настоящее издание посвящено 85-летию со дня рождения поэта Николая Рубцова (1936 – 1971), одного из самых «пронзительных и долгожданных» (Г. Горбовский) русских лириков 2-й половины XX века. Сборник составлен из эпистолярных диалогов и описания личных встреч члена Союза журналистов России Сергея Лагеревa с известными деятелями культуры, которые делятся своими воспоминаниями о Н. Рубцове и размышлениями о его творчестве. Документы, автографы, фотографии и письма, приведённые в книге, хранятся в личном архиве автора. Тексты публикуются в авторской редакции. Издание предназначено для всех интересующихся творчеством Николая Рубцова и русской лирикой XX века.

© Лагереv С.А., 2021
© «Библиографика», 2021

Содержание

Именем Рубцова будем узнавать друг друга.....	5
Поэт Николай Рубцов и Тюменский Север.....	6
Василий Иванович Белов.....	14
Нина Васильевна Груздева.....	18
Глеб Яковлевич Горбовский.....	22
Борис Михайлович Шишаев.....	27
Виктор Фёдорович Потанин.....	30
Станислав Юрьевич Куняев.....	34
Валентин Григорьевич Распутин.....	39
Валентин Яковлевич Курбатов.....	44
Василий Иванович Юровских.....	51
Анатолий Иванович Лукьянов.....	54
Михаил Петрович Лобанов.....	60
Михаил Александрович Тарковский.....	64
Петр Антонович Суханов.....	69
Николай Борисович Рачков.....	74
Владимир Вольфович Жириновский.....	79
Рубцов. Москва. Виктор Иванович.....	81
Сборник стихов Николая Рубцова на немецком языке.....	84
СЛОВО О ПОЭТЕ.....	87
ДОКУМЕНТЫ. АВТОГРАФЫ.....	102
ФОТОГРАФИИ.....	126

Ночь на родине

*Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!
И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,
И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я, — былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг,
Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,
И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.*

Николай Рубцов. 1967 г.

Именем Рубцова будем узнавать друг друга

В нашей семье всегда любили читать. И даже в нелёгкие послевоенные года в доме была своя небольшая библиотека. И моё последующее многолетнее увлечение русской литературой, собирательство книг, автографов было продолжением той детской любви к книге. С 1986 года я стал конкретно заниматься изучением жизни и творчества замечательного русского поэта Николая Рубцова. И подтолкнул меня к этому мой двоюродный брат из Ленинграда Анатолий Пантелеев, заведующий историко-архивным отделом университета, который в то время организовывал на филологическом факультете конференцию, посвящённую пятидесятилетию со дня рождения поэта. Пронзительные стихи Николая Рубцова взволновали и легли на мою душу. Поразила его нелёгкая жизнь, и страшная гибель. Прозаик из Санкт-Петербурга Николай Коняев (1949 – 2018) писал в своей книге «Ангел Родины»: *«В страшные годы национального помрачения было сказано – именем Пушкина будем узнавать друг друга... Мы, живущие в эпоху ещё более страшного, может быть, помрачения, к сожалению, не можем сказать, что именем Рубцова будем узнавать друг друга. И вина тут не Рубцова, а нас самих...»*. Странно, но, где бы я не бывал в будущем: в Вологде, Москве, Санкт-Петербурге и других городах, имя поэта Николая Рубцова всегда становилось каким-то литературным пропускным паролем при встречах с самыми разными людьми: поэтами, писателями, литературными критиками и просто любителями поэзии. И я мог бы поспорить с писателем, и с уверенностью сказать, что, несмотря на непростое время, мы всё же «Именем Рубцова будем узнавать друг друга». И узнаём! Хочу в этом сборнике рассказать о нескольких литературных встречах, так или иначе связанных с именем поэта.

P.S. Адреса и телефоны некоторых писателей, которых я упоминаю в этом сборнике, предоставлены мне Анатолием Пантелеевым.

Поэт Николай Рубцов и Тюменский Север

Давно занимаясь творчеством замечательного русского поэта Николая Рубцова, собирая книги, разные документы, так или иначе связанные с его жизнью, я всякий раз искал какие-нибудь следы, связи поэта с Тюменской областью. И нашёл! Косвенные, но всё же. И про эти параллели хочу рассказать. Каждый архивный документ имеет свою историю, свою биографию: как получен документ, от кого, когда написан, что происходило в то время и т. д. Мне всегда интересны такие исследования. Порой они приводят к неожиданным результатам. Сегодня мне хочется рассказать о двух документах, напрямую связанных с жизнью выдающегося русского поэта Николая Рубцова. В 2001 году в Сургуте проходили литературные вечера, посвящённые 65-летию со дня рождения Николая Рубцова. Среди приглашённых на эти празднества гостей был и поэт из Тюмени Николай Денисов. Он знал Рубцова, так как в одно и то же время учился вместе с ним в Литературном институте. Мы подолгу говорили с ним о поэте. Он интересно рассказывал об их встречах, показывал редкие фотографии. Помню, тогда в разговоре Денисов вспоминал о том, что он в 1969 году советовал тогдашнему секретарю писательской организации К. Лагунову послать приглашение Рубцову для приезда его в Тюмень на Дни литературы. Но письма этого никто не видел, и никто не знал, отправил ли Лагунов его или нет. Во всяком случае, Николай Рубцов в Тюмень не приехал. Прошло несколько лет, и эта тема неожиданно «всплыла» вновь. В 2004 году, будучи в Вологде, я побыл в гостях у поэтессы, близкого друга Николая Рубцова – Нинель Александровны Старичковой (ныне, к сожалению, уже покойной). Она мне показывала свои архивные материалы, автографы и вещи поэта. В конце, уже перед моим уходом, Нинель Александровна вдруг ушла в маленькую комнату и принесла какой-то листок. Отдала мне со словами: *«Я не знаю, что помешало ему приехать. Но пусть тогда хоть письмо будет у вас»*. Это был оригинал приглашения Н. Рубцова в Тюмень на Неделю поэзии. Вот именно это письмо и было отправлено в Вологду с подачи Николая Денисова, и именно об этом он мне рассказывал в 2001

году на Рубцовских вечерах в Сургуте. На пожелтевшем от времени фирменном бланке Тюменской областной писательской организации было напечатано следующее:

20/X. 1969.

Дорогой Николай!

«В середине декабря будет проходить четвёртая Тюменская Неделя поэзии, в которой примут участие поэты Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Омска, Кургана и Тюмени. Тюменская писательская организация просит Вас принять участие в Неделе. Во время Недели поэты побывают в Тобольске, на Ямале, в Приобье. Встретятся с геологами, рыбаками, нефтяниками, хлеборобами, строителями. Своими глазами увидят, как в глухой, болотистой тайге и непроходимой тундре создаётся крупнейший энергетический гигант мира. Наша организация берёт на себя оплату всех командировочных расходов, а также за участие в коллективных выступлениях (их намечено до 20). Тюменское бюро пропаганды выплачивает гонорар каждому поэту по 30 рублей. За «сольные» поэтические вечера будет выплачиваться гонорар в зависимости от сбора, но не менее 200 рублей. В ходе Недели участники её выступают по Тюменскому, Ханты-Мансийскому, Нижне-Вартовскому телевидению и окружному радио. Их произведения будут напечатаны на страницах областных газет. Мы рады будем видеть Вас на земле Тюменской, среди участников поэтической недели. Пожалуйста, сообщите нам, согласны ли Вы с нашим предложением».

С дружеским приветом. Ответственный секретарь писательской организации К. Лагунов.

Помню, получив этот документ, я порадовался тому, что стихи Рубцова знали и любили в нашей области уже и в те года. Но, оказывается, не всё тогда было так, как я думал, не всё было так безоблачно. Николай Денисов во время нашей с ним встречи в Сургуте в 2001 году, кроме того, что посоветовал Лагунову пригласить Рубцова, больше ничего о происходящих тогда событиях не говорил. Позже эта тема пополнилась другими интересными фактами – например, нашлось

ответное письмо Рубцова. Об этом и о других перипетиях, происходивших тогда, Николай Денисов пишет в своей книге воспоминаний, выдержки из которой, непосредственно об этой истории, он прислал мне по почте. В них хорошо чувствуется атмосфера тех лет в Тюмени. Представляю их читателю:

«... Осенью 69-го года, «набрасывая» в нашем Союзе списки писателей и поэтов, которых мы хотели пригласить на планируемые летом 1970-го года первые Всесоюзные Дни советской литературы в Тюменской области, я попросил ответственного секретаря Константина Лагунова внести в список и Николая Рубцова. Лагунов послал в Вологду приглашение поэту. (Этот документ и подарила мне Н. А. Старичкова – С. Л.). Николай Рубцов ответил быстро. Вот что он писал:

«Дорогой Константин Лагунов! Я получил Ваше письмо с приглашением на Неделью Тюменской поэзии! Благодарен Вам за это предложение и отвечаю на него полным согласием. В таком случае держите меня, пожалуйста, в курсе дела, сообщите, пожалуйста, конкретные шаги в этом направлении. Сердечный привет тюменским писателям и поэтам!»

Николай Рубцов. Мой адрес: г. Вологда. Писательская организация. 12/XI – 69г.

«... Аккуратная наша секретарь – бухгалтер Зинаида Алексеевна Белова, как все входящие письма и документы, прибрала к месту, «подшила» и письмо из Вологды. По каким причинам приезд Рубцова в Тюмень в июле 70-го года не произошёл, не знаю» «... Рубцовский ответ в Тюмень «всплыл» вдруг через много лет – в газете «Тюменские известия» (15.05.2004), где некто А. Гришин до своей ранней кончины (при главном редакторе «известий» Юрии Бакулине) заведовал им же созданной, «апрелевского» толка, газете, резко позиционируясь с патриотическими изданиями. И вот известинская страница эта под названием «Проталина» оповестила читающую публику, что письмо Рубцова хранится у них, а было оно якобы «обнаружено Гришиным в мусорной корзине Тюменской писательской организации» (Газета тиснула и копию письма Рубцова – ответ на наше предло-

жение). Ну, конечно! А куда же ещё должны были бросить письмо поэта – «черносотенца и шовиниста»?! В корзину! В мусор! А затем два десятилетия после убийства Рубцова сумел этот «мусор» пролежать в корзине, ожидая «поисковика» Гришина!» «...Внимая настойчивым просьбам Серёжи Лагерёва – получить (за определённую денежную компенсацию) для «Рубцовского центра» «хотя бы копию письма поэта», я, скрепя сердце, обратился в недружественную мне известинскую страницу со своим письмом, но получил печатный широковещательный и издевательский ответ под заголовком – «Письмо не по адресу». На то и следовало бы заранее рассчитывать. Да, не везде соломки подстелешь!».

Может Николай Денисов и слишком резок, но я понимаю его. Ведь для корреспондентов этой «Проталины», да и прочих других подобных изданий, творчество Рубцова было немодным. Для них кумирами были другие, близкие им, раскрученные и везде звучащие имена. Об этом Денисову говорили напрямую. А ложь о том, что будто бы письмо поэта было найдено в мусорной корзине, была озвучена специально для того, чтобы унизить в лице Николая Рубцова и всех поэтов, представителей так называемой русской «тихой лирики». В реальности же это письмо было найдено в конце 90-х годов при разборе архива Тюменской писательской организации, которая переезжала в другое помещение. И опубликовано в 2004 году. А потом исчезло. Об этом мне рассказала одна тюменская журналистка. Вернусь к найденному ответу Николая Рубцова. Да, я хотел бы иметь у себя этот документ. Звонил и писал в Тюмень. Но, всё напрасно. Мне только неопределённо сказали, что будто бы этот документ хранится сейчас у кого-то в Екатеринбурге. Я потом нашёл в подшивке тот номер «Тюменских известий», где был «тиснут», как писал Денисов, материал об этом письме. Снял с него копию. Но я всё равно надеюсь, что оригинал этого документа всё же найду. Если, конечно, он ещё жив. Вот видите, какие страсти разгорались вокруг Николая Рубцова. Конечно, в то время не один только Денисов понимал, что Николай Рубцов – это явление в русской лирике, были и другие, но на защиту поэта тогда в Тюмени встал только он один. Благодарю его за это!

Для справки: в тексте этой заметки есть разночтения в датах. К. Лагунов приглашал Николая Рубцова на декабрь 1969 года, а в материале Николая Денисова написано, что поэта приглашали на лето 1970 года. Денисов объяснил мне, что он не видел того, что написал и отправил Лагунов. Денисов думал, что Рубцов будет приглашён на первые Всесоюзные Дни советской литературы в Тюменской области, которые должны были состояться летом 70-го года. Но Лагунов, оказывается, пригласил Николая Рубцова на Неделю поэзии, которая планировалась на декабрь 1969 года.

Согласитесь, перечисление крупнейших литературных форумов, проходивших в Тюмени всего за полгода, говорит о том, какой интересной и кипучей духовной жизнью жила тогда наша страна! Несравнимой с нынешним временем! А мои поиски материалов о жизни выдающегося русского поэта продолжались. 26 июня 1998 года в Вологде открывали памятник Николаю Рубцову. Мне по приглашению вологодской писательской организации тоже посчастливилось участвовать в том мероприятии. День, помню, был прохладным и дождливым, но народу на церемонию открытия собралось много: земляки вологжане, почитатели таланта поэта из других городов, известные писатели и артисты. Приехала из Санкт-Петербурга дочь поэта Елена Николаевна со своей семьёй. Как часто бывает в таких случаях, было и торжественно и, вместе с тем, немного грустно. Тогда же я познакомился с руководителем Рубцовского центра Вологды, критиком и литературоведом Вячеславом Белковым. В этом старинном городе я был впервые, и Слава показывал мне Вологду, водил по местам, связанным с Николаем Рубцовым. Мы подолгу разговаривали с Вячеславом о творчестве поэта, о его жизненных нелёгких дорогах, а также о трагической судьбе всей семьи Рубцовых. Белков сказал мне тогда, что по-прежнему нет никаких сведений о местонахождении братьев Николая Рубцова и напомнил, что старший брат поэта Альберт по некоторым данным бывал у нас в Тюменской области. Просил помочь в поисках и подарил мне свою книгу «Жизнь Рубцова», на последней странице которой было написано следующее послесловие:

«Давно ищу братьев замечательного русского поэта Николая Рубцова (1936-1971). Стихи и песни безвременно погибшего поэта известны сегодня всем – «Тихая моя родина», «В горнице моей светло», «Букет», «Улетели листья с тополей...». А вот о жизни Рубцова известно мало. Может, кто-то из читателей поможет мне разыскать родных братьев поэта. Вот некоторые сведения о них:

Рубцов Альберт Михайлович. Родился в 1932 году в Вологде. Жил и работал в Ленинградской области во Всеволожске, в Приютино, затем в Воркуте (на шахте?), Донецке, Свердловске, Крыму... Мы не знаем даже главного – жив ли сейчас Альберт Михайлович.

Рубцов Борис Михайлович, младший брат. Родился 23 мая 1937 года в селе Емецк Архангельской области. Жил в детдоме, в Вологде окончил вечернюю школу. Одно время жил и работал в Краснодарском крае (с. Успенское), родом из этих мест была его жена Валентина. На этом все сведения обрываются... А просьба одна – помогите найти!»

К сожалению, в 2006 году Вячеслав Белков ушёл из жизни. Я никогда не забывал о его просьбе. На поэтических вечерах, а также в газетных статьях обязательно рассказывал о братьях Николая Рубцова. Так пролетело почти три года после моей поездки в Вологду, прошлое отдалялось всё дальше и дальше, и казалось, что ничего уже о судьбах Бориса и Альберта мы не узнаем, и никого из них не найдём. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Как-то раз после одного из Рубцовских вечеров ко мне подошла журналистка Галина Владимировна Кондрякова (профессиональная память не подвела) и сказала, что её подруга говорила ей о каком-то Альберте Рубцове, проживающем в селе Горнослинкино Уватского района Тюменской области. Что будто бы тот играл на многих музыкальных инструментах, писал стихи, выступал в клубе и на свадьбах. Я, конечно, заинтересовался этим сообщением, так как не только имя и фамилия соответствовали старшему брату поэта, но и музыкальные способности, Альберт одно время учился в консерватории, и то, что он был по жизни «перекати поле».

Я срочно, через председателя журналистской организации города Анатолия Прохоровича Зубарева направил запрос в Администрацию и милицию Уватского района. Вскоре пришёл официальный ответ. Да, это был он – Рубцов Альберт Михайлович, старший брат поэта! Но, к большому сожалению, его уже не было в живых, он скончался в 1984 году и похоронен там же, в селе Горнослинкино. Я, зная, что у ленинградского писателя Н. Коняева уже на выходе книга о Николае Рубцове в серии ЖЗЛ, сразу же отправил ему копию полученного документа. Потом послал копию этого сообщения Лене – дочери Николая Рубцова, а она его уже передала жене Альберта – Валентине Алексеевне, а также его детям – Марине и Николаю, которые живут в городе Коммунаре под Санкт-Петербургом. Как мне рассказывала Лена, Валентина Алексеевна, прочитав официальную бумагу, заплакала, потом успокоилась и сказала: *«Вот и, Слава Богу! Теперь на душе будет спокойнее. Я теперь знаю, что он похоронен по-человечески и знаю, где его могила»*. Сейчас нет уже в живых и самой Валентины Алексеевны. А вот с дочерью старшего брата Николая Рубцова – Мариной – я поддерживаю связь и поныне. Правда, в ответе из Администрации села Горнослинкино указано, что Альберт родился в Ленинграде. Это неточно, он родился в Вологде, и только жил в Ленинграде, и паспортистка указала этот город прописки Альберта как место рождения. А о судьбе младшего брата поэта, Бориса, так ничего и неизвестно. Я посылал несколько раз запросы на телепередачу «Жди меня», но ответа не получил, к сожалению. Если кто слышал что-нибудь об этом человеке, то, **будьте добры, дайте знать.**

Многолетнее занятие творчеством Николая Рубцова, пропагандирование его лирики в Сургуте и в районе путём проведения поэтических вечеров, встреч, чтений, выпуск двух книг воспоминаний о поэте («Венок Рубцову» – 2001 год, «Поэту посвящается» – 2006 год) дали свои плоды. Стараниями почитателей таланта поэта, поддержанные известными в городе людьми, такими как Черняк Яков Борисович, в своё время заместитель мэра Сургута, Надежда Васильевна Жукова – директор Централизованной библиотечной системы

города, проводилось большое количество мероприятий, посвящённых творчеству поэта. А в январе этого года в одной из сургутских библиотек был открыт Рубцовский зал, где нашёл своё место весь мой архив по творчеству поэта, который я собирал не один десяток лет. Все материалы приобрёл город. Те, кто увлекается собирательством, знают, как это важно, чтобы коллекция не была разбита на части. И я благодарен всем, кто помог мне в том, чтобы собрание осталось в Сургуте. Открытие зала было зачином другого нужного и важного дела – присвоение этой библиотеке имени Николая Рубцова. В марте 2020 года по этой теме вышло положительное решение городской комиссии по топонимике. А в июне Администрация Сургута издала распоряжение о присвоении библиотеке № 21 имени Николая Рубцова. Я очень рад этому! Это знаковое событие для всех, любящих творчество поэта. Наша библиотека стала третьей в России библиотекой, названной именем поэта. Одна есть в Санкт-Петербурге, а другая в городе Тотьма Вологодской области.

Нам пришло много поздравлений из разных городов страны. Бескорыстное служение сургутян русской поэзии не прошло даром. Спасибо всем, кто причастен к этому!

Василий Иванович Белов

Вологда. С В. И. Беловым возле его дома. 2003 г.

После посещения Вологды в 1998 году я через разные источники стал узнавать адреса людей, знавших поэта Николая Рубцова, и рассылать им письма, в которых рассказывал о Рубцовском центре в Сургуте. И, конечно, в первую очередь, не мог обойти друга поэта, выдающегося классика русской литературы Василия Ивановича Белова. Мне нравилось творчество писателя и я, набравшись смелости, написал ему об этом, а также рассказал о своём увлечении поэзией Николая Рубцова. Неожиданно, но Белов ответил, прислав мне свою книгу «Привычное дело». Так началось наше эпистолярное общение. В 2001 году я отправил ему свою книжку «Венок Рубцову», изданную в Сургуте, в которую, с разрешения Василия Ивановича, поставил и его стихотворение. Приезжая в Вологду на открытие памятника поэту Рубцову летом 1998 года, а потом и в 2001, у меня никак не получалось встретиться с писателем. Его оба раза в Вологде не было, он уезжал то в Москву, то в Тимонику. Лично мы познакомились только в 2003 году, когда

я вновь приехал в город, ставший последним пристанищем Николая Рубцова. Мой вологодский друг, известный коллекционер Юра Малозёмов договорился по телефону с Василием Ивановичем о встрече, и в этот же день мы уже звонили в квартиру писателя. Около двух часов пролетели незаметно, разговаривали на разные темы: о жизни, о положении в стране, о литературе, и, конечно, о Николае Рубцове, который считал Белова своим самым лучшим другом. Под стеклом на письменном столе писателя находилась цветная фотография Николая Рубцова – копия портрета, написанного для меня известной художницей из Палеха Ольгой Терентьевой в стиле лаковой миниатюры. Мне было приятно. Ему эту вещь подарил Юра. Я рассказал историю появления этого портрета у меня и то, что художница ещё сделала две плакетки, и получился Рубцовский триптих. Василий Иванович попросил потом прислать ему копии, но я, к своему стыду, так этого и не сделал. Потом Белов проводил нас на улицу, где Юра сфотографировал меня с писателем возле подъезда. Сейчас в квартире находится музей Белова. Вспоминается один интересный случай, который произошёл со мной и Василием Ивановичем. В 2000 году писатель прислал мне свой роман-хронику 20-х годов «Кануны», подписав её: *«Сергею Лагереву. К сожалению, «Года великого перелома» у меня уже нет. (Ни одного экземпляра). Белов. 2000 год. Из Вологды»*. Я, зная, как ему нелегко живётся, и думая, что делаю хорошее дело, послал на его адрес денежный перевод. Через какое-то время мне приходит письмо. Открываю, а там записка и деньги, ровно столько же, сколько я ему отослал. Я ещё удивился, как они дошли целыми. В записке были такие слова: *«Сергей Алексеевич, что это? Если такой богатый, то пошли эту сотню Толе... (брату). В отместку и впредь буду звать по имени и отчеству. В. Белов. 30.12.2000»*. Я опешил! Мне было обидно. Я вспомнил, что благими намерениями... и так далее. Позвонил брату, рассказал, он посмеялся, что с ним тоже такое было, и что всё будет нормально. Но в душе у меня по-прежнему «кошки скребли». Думал, думал, как выйти из этой ситуации и придумал.

Василий Иванович часто в своих высказываниях цитировал слова великого французского мыслителя Блеза Паскаля. А я в это время купил несколько экземпляров книги этого философа «Мысли» небольшого формата, в хорошем типографическом исполнении, и отослал по почте эту книжку писателю. Потом всё ждал, что будет. Вскоре получил от него новую книгу с подписью и портрет Николая Рубцова из набора открыток с такими словами: *«Дорогой, Сергей! Спасибо за Паскаля! У меня он есть, но в рукописи. А теперь книга! Спасибо, спасибо! Белов 24.11.2000 года»*. И наши отношения наладились. В последние годы своей жизни Василий Иванович сильно болел. Скончался писатель 4 декабря 2012 года, похоронен, как он и завещал, на своей малой родине, в селе Тимониха. Ещё одно святое место появилось в России, куда съезжаются из разных городов, даже из-за границы, почитатели таланта писателя. Василий Иванович Белов оставил короткие воспоминания о Николае Рубцове. А на смерть поэта написал пронзительные стихи. Мало кто знает, что В. Белов начинал как поэт. В моей коллекции находилась редкая книжка стихов Василия Ивановича «Деревенька моя лесная», изданная в Вологде в 1961 году. Сейчас она хранится в Центральной библиотеке имени А. С. Пушкина Сургута.

На смерть Рубцова

*О, как мне осилить такую беду –
Явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду
От этого подлого смысла.
Подсчитано всё, даже сны и шаги.
Как холят тебя и как любят!
Но губят меня не они, не враги, –
Друзья уходящие губят.
Как будто позор предстоящего дня
Узнали и – рады стараться –
Одни за другим, не жалея меня,
В родимую землю ложатся.*

Мне страшно без них!
 Я не вижу ни зги,
 Ступаю, не чувствуя тверди.
 Кого заклинать: не отринь,
 Помоги,
 В безжалостный час не отвергни?
 Ни Бога, ни Родины...
 Лишь Мавзолеей
 И звёзды, воспетые хором.
 И тихо мерцая, светило полей
 Горит над бессонным Угором.

Уже после смерти Василия Ивановича Юра Малозёмов прислал мне очень интересную записку. Это были трогательные слова матери Белова Анфисы Ивановны на смерть Николая Рубцова, которого она любила и считала своим сыном.

«Над гробом Н. М. Рубцова

*при встрече он иногда
 называл меня мама
 и я скорблю по матерински
 жаль жаль что мы не смогли
 спасти его от тех роковых минут
 он за свой недолгий путь
 оставил на земле след добрый памятный
 Белова А. И».*

(пунктуация и орфография сохранены без изменений)

Копии всех документов и писем, о которых упоминал выше, я отправил работникам Вологодского музея В. И. Белова. Они были очень рады узнать о новых материалах, особенно их поразила вот эта записка от матери писателя. Думаю, подарить всё, собранное мною о Василии Ивановиче Белове, этому музею. Так, наверное, будет правильно.

Нина Васильевна Груздева

Летом 2003 года я вновь побывал в Вологде. Известный вологодский коллекционер, издатель Юрий Малозёмов, с которым я дружил, сейчас его, к сожалению, уже нет в живых, передал мне короткую записку. В ней были слова: *«Сергей Алексеевич! Жду Вас в гости! Очень хочу познакомиться! Неужели упустите такую возможность? Нина Груздева»*. Там был ещё номер телефона и адрес. Я слышал об этой замечательной поэтессе, знал, что она дружила с Николаем Рубцовым, что училась вместе с ним в Литературном институте. Мне и раньше хотелось с ней познакомиться, но и в 1998 году, и в 2001, когда я посещал Вологду, встреч с ней не случилось. Хотя мы уже переписывались, но она никого, в связи с болезнью, не хотела принимать дома. И вот записка! Юра сказал, что Нине Васильевне стало получше, и она меня приглашает в гости. Мы взяли бутылку хорошего вина, конфеты, какие-то фрукты и пошли. Она сначала стеснялась. У неё плохо работала рука и немножко тормозилась речь, но это было только вначале, потом всё наладилось, ничто не мешало нашим разговорам. Часа два мы там пробыли. Нина Васильевна читала свои стихи и Николая Рубцова,

вспоминала друзей поэта, очень радовалась, что где-то далеко в Сургуте люди знают её творчество, знают имя Рубцова. Его она считала одним из самых талантливых русских поэтов. После этой встречи я только ещё один раз был в гостях у поэтессы, а после мы только перезванивались и переписывались. Меня всегда волновала судьба этой талантливой русской поэтессы. Великолепное начало: стихи Нины Груздевой отмечали ещё в Литературном институте, где она училась вместе с такими уже известными поэтами, как Николай Рубцов, Борис Шишаев, Борис Примеров, Сергей Чухин. Борис Михайлович вспоминал: «Сидели мы как-то в общежитии на улице Добролюбова в моей угловой комнате, и разговор зашёл о женском контингенте Литинститута. *«Это надо же... – сказал Серёжа Чухин. – Целый этаж у нас женский, и в основном ведь поэтессы все... Это сколько же будет поэтесс. Слушайте, братцы, а можем мы кого-нибудь из них поставить вот тут, рядом с нами?»* – «А наша Нина? – восторженно воскликнул Рубцов. *Про нашу Нину ты забыл, что ли? Только Нине рядом с нами и место, а остальным даже и близко делать нечего. Нина – поэт с большой буквы, у Нины чувство сильное, без малейшей женской подделки*». Творчество Груздевой отмечали такие известные поэты, как Виктор Боков, Сергей Наровчатов и Александр Яшин. Илья Сельвинский, на семинаре которого она занималась, в «Литературной газете» в статье «Лирика. Эпос. Драма» (№ 17 от 26 апреля 1967 года) назвал Нину Груздеву «лучшей поэтессой страны». В 1968 году вышла первая книжка её лирических стихов «Тропинка». Нина Груздева стала много печататься в престижных московских журналах, песни на её стихи исполняли популярные тогда певицы, например, Гелена Великанова и Ирина Бржевская. Но, к сожалению, последующий творческий путь талантливой молодой поэтессы был нерадостен. К известной цитате, что «Москва слезам не верит», можно с уверенностью добавить, что Москва не любит провинциалов вообще, а талантливых особенно. Невозможно было получить прописку, получить работу. И она по совету своего земляка Василия Белова уехала в Вологду. А там ей никакой поддержки и помощи не ока

зали и на многие годы её имя забыли. Но, Нина Васильевна Груздева была сильной женщиной, и, несмотря на болезни и жизненные неустроенности, верила в свою звезду, в свой талант. И только в 1995 году, через 27 лет после первой, вышли сразу две книжки стихов: «Твоё имя» и «Воскресенье». В 1998 – «Звезда», в 2001 – «Часы песочные», в 2005 – «Стихотворения», в 2006 – «Краешек зари», в 2011 – «Душа». В 1996 году поэтесса была принята в члены Союза писателей России. В Вологде стали проходить поэтические вечера Нины Груздевой, были изданы диски с песнями на её стихи. Творчество поэтессы отмечено наградами: Всероссийской премией «Звезда полей» имени Н. Рубцова, дипломом международного конкурса поэзии «Золотое перо». Поэтесса была удостоена Большой литературной премии России. В 2014 году Нина Груздева стала лауреатом международной премии «Филантроп» в номинации «Поэтическое творчество». В 2014 году увидела свет небольшая книжка воспоминаний Нины Васильевны Груздевой «Через тернии – к победе! Или почему меня не издавали 27 лет?», в которой с присущей ей прямоотой и откровенностью поведала свою правду о неблагоприятных поступках известных в литературном мире людях, которые специально создавали ей трудности, как в жизненном плане, так и в творческом. Рассказала, через какие невзгоды ей пришлось пройти, чтобы после многих лет забвения и равнодушия всё-таки прийти к своему читателю и к всероссийской известности (эта книжка есть в интернете. Кому интересно, почитайте).

Нина Васильевна Груздева скончалась 27 июня 2016 года, не дожив немного до своего 80-летия. Мы были знакомы 15 лет, но, к сожалению, в последние годы наше телефонное и эпистолярное общение было редким. Виню в этом только себя. Когда уходит в иной мир человек, близкий тебе по духу, по литературным интересам, человек, с которым долгое время ты был знаком, общался, чувствовал родство, – сердце ощущает боль утраты, а в душе навсегда поселяется горькая печать вины: что не позвонил, не поддержал в нужный момент, о чём-то не спросил и не выслушал, в чём-то не помог! Прошу у неё прощения... Часто смотрю её фотографии,

читаю стихи, письма, вспоминаю наши встречи и с грустью думаю, сколько же прекрасных стихов она написала бы за долгие годы вынужденного молчания. И мне хочется обратиться к поэтессе туда, в «горную высь»: *«Дорогая Нина Васильевна, я вас не забыл, храню ваши письма и книги. Ваши стихи живут уже своей жизнью и любимы ценителями русской лирики».*

У памятника Рубцову

*Ты жил, как Бог, – без хлеба и без крыши.
Любой приют – твой временный причал.
Ты говорил – народ тебя не слышал,
Народ других провидцев привечал.
... Давно звенит твоё святое имя.
И все, твоей причастные судьбе, –
Провидцы – оказались вдруг слепыми...
О, как они завидуют тебе.*

*После нас не останется писем,
А душевные связи тонки,
И уносятся в звёздные выси
Телефонные наши звонки.
Может, где-то в межзвёздной Вселенной,
На звезде или в райском тепле
Вдруг настигнет звонок тот, последний,
Не заставший меня на Земле!*

*Сургутскому Рубцовскому центру с
благодарностью и уважением
Нина Груздева. Январь 2006 года.*

Глеб Яковлевич Горбовский

Санкт-Петербург. С Г. Я. Горбовским в его квартире. 1999 г.

Николай Рубцов в начале шестидесятых годов работал на Кировском заводе в Ленинграде. И там же в одном из литобъединений познакомился с тогда уже известным поэтом Глебом Горбовским. Их встречи продолжались вплоть до отъезда Николая Рубцова в Москву в 1962 году для поступления в Литературный институт. Вот что пишет об этом времени сам Глеб Яковлевич в своей книге воспоминаний «Остывшие следы»:

«В самом начале шестидесятых годов проживал я на Пушкинской улице — угол Невского — возле Московского вокзала. И, естественно, дом мой был проходным двором. «Зал ожидания» — прозвали друзья мою коммунальную квартиру, где в десятиметровой комнатенке порой собиралось до сорока человек. Пришел однажды и Николай Рубцов. Читал свои морские, рыбацкие стихи. Читал зло, напори

сто, с вызовом. Вот, мол, вам, интеллигенты бледнолицые, книжники очкастые! ... Стихов тогда читалась масса, поэты шли косяком. Одно только литобъединение Горного института выплеснуло до десятка интересных поэтов. И голос Рубцова, еще не нашедшего своей, корневой, драматической темы Родины, России, темы жизни и смерти, любви и отчаяния, тогдашний голос Рубцова тонул в окружающих его голосах. И это – закономерно. В Ленинграде Рубцов был в какой-то мере чужаком, пришельцем... Однажды он пришел ко мне на Пушкинскую и сказал, что посвятил мне одно стихотворение. Что ж, было даже приятно. Значит, Коля и во мне что-то нашел. Ну читай, говорю, ежели посвятил. И Коля прочел «Трущобный двор, фигура на углу...» Стихотворение тогда называлось «Поэт» и содержало гораздо больше строф, нежели в нынешней, посмертной редакции. И заканчивалось оно как будто бы по-другому. Однако не это главное. Главное, что стихи взволновали, даже потрясли своей неожиданной мощью, рельефностью образов, драматизмом правды... И Коля для меня перестал быть просто Колей. В моем мире возник поэт Николай Рубцов. Это был праздник... С Николаем мы расстались, когда он уехал в Москву, в Литинститут. Я учиться там не хотел. И дороги наши надолго разошлись. Я был слишком занят самим собой, своими стихами. И проворонил взлет поэта. Второе рождение Рубцова.

Не секрет, что многие даже из общавшихся с Николаем узнали о нем как о большом поэте уже после смерти. Я не исключение. Но мне от этого не стыдно. Мы горели одним огнем, одними заботами. Хотя и под разными крышами, но под одним небом – русским небом. И меня пощадила жизнь, а его — искрошила. Подарив чуть позже бессмертие. Созданное его трудом. Его талантом. Его любовью к Родине, к ее слову. Мы расстались, но мы – рядом. Вот они, его «Подорожники», его «Сосен шум», его «Зеленые цветы». Я протягиваю руку, и глаза касаются Рубцова, души его нежной, опаленной, но всегда – живой»

Как-то, будучи в Питере в гостях у родной тётушки, я купил сборник стихов Глеба Горбовского. Стихи мне

понравилась своей необычностью и свободой. А уж тогда, когда стал заниматься творчеством Николая Рубцова, узнав, что они дружили, очень хотел познакомиться с Глебом Яковлевичем, с этим замечательным поэтом, человеком трудной, интересной, можно сказать, приключенческой судьбы. И случилось это только в декабре 1999 года. Я вновь был в Питере, и Сергей Сорокин, поэт, руководитель Рубцовского центра города, с которым я познакомился в 1998 году в Вологде на открытии памятника Николаю Рубцову, созвонился с Горбовским, и мы поехали к нему, взяв с собой бутылочку и какую-то закуску. Глеб Яковлевич жил в коммуналке по соседству с двумя интеллигентными старушками. Около двух часов мы пробыли в гостях у поэта. Человек он был очень интересный, оригинальный, с юмором. Много читал своих стихов, рассказывал о Рубцове. О некоторых своих путешествиях и встречах. Он подписал мне несколько своих книг. Среди них была книжка «Когда качаются фонарики...». Кстати, на стихи Горбовского написано много песен, их исполняли известные певцы – Михаил Шуфутинский, Александр Дольский, Эдуард Хиль, Эдита Пьеха и другие. А эту, всем известную «Когда качаются фонарики ночные...», он написал, сидя на гауптвахте в Вологде, когда служил в армии. В марте этого же года Глеб Яковлевич прислал мне очень редкую свою книжку «Тишина». Её тираж почти весь был уничтожен. На титульном листе книжки автор написал: *«Сергею Лагереву с благодарностью за фотографии Рубцова и за визит в мою конуру. Глеб Горбовский. 12/03.1999»*. При встрече Глеб Яковлевич просил меня выслать ему редкие фотографии Рубцова. Что я и сделал, и получил в подарок эту книгу. Когда мы были в гостях у Горбовского, у нас был фотоаппарат, и мы с Серёжей Сорокиным по очереди снимались с поэтом. К сожалению, лично мы больше не встречались. Иногда я ему звонил. Глеб Яковлевич не любил писать писем, ходить на почту, и новые книги стихов с его автографами мне присылал его друг Борис Тайгин, издатель первой книжки Рубцова «Волны и скалы» и первым записавший на магнитофон авторское чтение стихов Николаем Рубцовым. У меня в архиве есть только

одно письмо от Горбовского. Он его написал на листке, подготовленном Борисом Тайгиным для самодельной книжки стихов Горбовского. Даже в этом коротком письме можно увидеть, что Глеб Яковлевич, будучи уже в таком почтенном возрасте, был человеком озорным и весёлым: *«Здравствуйте, дорогой Серёжа Лагерев! Привет Вам и поклон с невских берегов. Получил «Сургут литературный» с подборкой моих стихиков. Спасибо огромное. Приятно сознавать, что в глубине нашей «необъятной», легендарной Сибири кто-то знает и принимает мои сочинения. Я ж, несмотря на возраст – всё ещё «пописываю» по утрам. В прямом и переносном смысле. И рад буду поделиться вымыслами – в ближайшем будущем. Жаль, что я сейчас как бы невыездной... Побывать ещё раз в Сибири – моя мечта! Серёжа, спасибо тебе за память. Храни Вас Господь! Глеб Горбовский. 19.12.2007. Питер».*

Глеб Яковлевич Горбовский, выдающийся русский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, Пушкинской премии, Царскосельской художественной премии и премии «Золотое перо», академик Академии российской словесности, скончался 26 февраля 2019 года на 88 году жизни. Первого марта петербуржцы простились со своим Поэтом. Церемония прощания и отпевание прошли в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры. Похоронен Глеб Яковлевич Горбовский на Богословском кладбище рядом с могилой жены – поэта и журналиста Лидии Гладкой.

Н. Рубцову

*В этом городе снег был — каменный,
словно мраморный весь,
не временный.
Все желанья мои замерли,
будто снегом тем
я беременный.
Застучали зубы от холода.
Полюс памяти — город Вологда.
В этом городе русский храм, как дым,
лютым холодом вознесен крутым!*

*Нежилой стоит на живой земле
в ледяных слезах, во хрустальной мгле.
В этом городе друг мой северный
под снежком лежит, впрок посеянный,
впрок опущенный в землю тесную,
чтоб взойти весной русской песнею!*
Глеб Горбовский

Борис Михайлович Шишаев

Б. М. Шишаев (в центре)

Хорошо помню, как мне домой неожиданно позвонил мужчина и назвался Борисом Михайловичем Шишаевым. Это было в 2004 году. Я опешил. Конечно, я знал об этом человеке, поэте, писателе, друге Николая Рубцова, учившимся с ним в Литературном институте, и бывшем на похоронах поэта в Вологде в январе 1971 года. Он мне сказал, что побывал недавно в Москве в музее Рубцова у М. А. Полётовой и видел мою книгу «Венок Рубцову». Взял у Майи Андреевны номер моего телефона, адрес, и вот звонит, чтобы поблагодарить за книжку, за память о Рубцове. Он мне продиктовал номер своего телефона и дал свой адрес. Так началась, вплоть до его смерти, наша дружба. Борис Михайлович предупредил, что писать письма не любит, и что мы лучше будем общаться по телефону. Вскоре я отослал ему нашу книжку «Венок Рубцову». Перезванивались мы не очень часто: в месяц раз, иногда чаще, а в 2005 году писатель мне прислал две книги со своими надписями. Книжку прозы

«Горечь осины» он подписал так: *«Сергею Лагереву – в знак памяти о Николае Рубцове, с благодарностью за поддержание его жизни после смерти. Бор. Шишаев. 29 января 2005 год»*. А сборник стихов «Сквозь травы забвения»: *«Сергею Лагереву, Сургутскому Рубцовскому центру – с твёрдой уверенностью, что Рубцов, как и Россия, жив и будет жить. Бор. Шишаев. 29 января 2005 год»*. В 2008 году прислал в Центральную библиотеку имени А. С. Пушкина свой, только что вышедший, семитомник. И сделал надпись: *«Библиотеке славного города Сургута – с пожеланием её читателям высокого Духа, истинной любви к Родине. Бор. Шишаев. 30.11.08»*. Все эти годы знакомства я просил писателя написать о его поездке на похороны Николая Рубцова. Он не хотел, говорил, что это всё ещё стоит в памяти, и по-прежнему больно на душе. Но, когда после юбилейного для Рубцова 2006 года начала везде выступать убийца поэта Дербина и стала вещать разные нелепицы о Николае Рубцове, Борис Михайлович прислал мне письмо, в котором рассказал о тех скорбных днях похорон поэта. Я публиковал это письмо в СМИ. В 2006 году к 70-летию Рубцова в Сургуте вышел сборник «Поэту посвящается», составителем которого я являлся. В эту книгу вошло и стихотворение Бориса Шишаева. Я ему послал один экземпляр. И вскоре получил ответ.

«Дорогой Сергей, здравствуй!

Получил недавно от тебя книгу, коей ты был составителем, – этакий удивительный сборник стихотворений, посвящённых Николаю Рубцову. Сразу могу тебе сказать, что эта книга имеет громадное значение. Подумать только – десятки российских поэтов и среди них самые-самые, что называется верхушечные, отозвались стихами на гибель Рубцова. По-моему, даже Есенину не было посвящено такое количество стихотворений. Какое ещё доказательство нужно тому, что Рубцов – явление для России не просто уникальное, а знаменующее собою веку, огромной важности поворот в русской поэзии. Ведь она, наша поэзия, всё больше и больше становилась «служанкой» той государственной системы, а Рубцов взял, да и повернул её в исконное классическое русло. Да как талантливо это сделал, с каким

тончайшим душевным проникновением. Многие чуяли, что делать это надо, что это необходимо, а удалось только ему. Он проторил дорогу, и по его следам пошли эти многие. Именно об этом и говорит составленная тобою книга под названием «Поэту посвящается». Огромное тебе спасибо за неё! Это ведь не просто книга, а документ, свидетельство (да какое убедительное) того, как дорог Рубцов России, как отвечает его творчество нашему русскому духу. И так мне радостно за моего такого далёкого и такого близкого друга... Обнимаю тебя крепко! Искренне твой Борис Шишаев». Замечательный русский поэт и прозаик Борис Михайлович Шишаев скончался 27 октября 2010 года в своём родном Сынтале Касимовского района Рязанской области, в городке, где родился и жил. Ему было 64 года.

Рубцову

Когда ты жил, мы были откровенны.
 Когда ты умер – с кем я поделюсь?
 Не помогают нам родные стены,
 Не бережёт своих поэтов Русь...
 Теперь, кода под сводами отчизны
 Умолк последний звук твоей души,
 Кто скажет нам о нашей грустной жизни?
 Кто скажет нам о нашей горькой лжи?
 Мне не забыть, как мы с тобой встречались,
 Как мы с тобой одной дорогой шли.
 Мне не забыть, как мы потом прощались
 И всё никак проститься не могли...
 Как, зубы сжав, считали мы утраты
 И с грустью пили крепкое вино.
 Но разве в том мы были виноваты
 Что радости нам не было дано?
 И вот недавно мы с тобой расстались.
 В последний раз одной дорогой шли,
 В последний раз с тобою мы прощались
 И всё никак проститься не могли...

Борис Шишаев

Виктор Фёдорович Потанин

Собирая материалы для сборника воспоминаний о поэте Николае Рубцове, мне очень хотелось поговорить на эту тему с замечательным писателем из Кургана, лауреатом многих престижных литературных премий, Виктором Фёдоровичем Потаниным, который учился вместе с Рубцовым в Литературном институте и дружил с ним. Знакомая из Курганской центральной библиотеки дала мне адрес и номер телефона писателя. Это был 2005 год. Я написал Потанину и отправил ему почтой сборник «Поэту посвящается», рассказал о себе и о своих литературоведческих поисках по творчеству поэта Николая Рубцова. Вскоре получил ответ. Кому-то это покажется незтичным и назойливым, но что поделаешь, только так приходится доставать материалы и узнавать что-нибудь новое о поэте Николае Рубцове. Так началось наше общение. Я постоянно просил Виктора Фёдоровича о том, чтобы он рассказал мне что-нибудь о Рубцове. Но писатель как-то уходил от этой просьбы. Но в 2014 году он прислал мне большое письмо, где вспомнил некоторые встречи с поэтом. Привожу письмо полностью.

«Дорогой Сергей Алексеевич!

Спасибо Вам огромное за внимание к моей судьбе и к моему слову! Но сам я в таком же огромном и неоплатном долгу перед Сургутом: я ведь неоднократно обещал Вам высылать всё самое последнее, что у меня издано, напечатано... И вот наступили сроки, когда нужно выполнить обещание. Здоровье моё не внушает оптимизма и потому надо успевать отчитываться перед дорогими людьми. А вы для меня — в этом заветном душевном списке. Особенно сейчас, когда в моём родном доме в деревне погостил Толя Пантелеев, — и теперь я смотрю на него, как на своего младшего брата, свою родную кровинку. Мы часто с ним общаемся по телефону и опять надеемся, что однажды он снова заедет... А теперь о моих бандеролях, которые, надеюсь, доберутся до Сургута. В них, пожалуй, всё самое главное, что печатали в последние годы. Не выслал я некоторые журналы («Подъём», «Тобол», «Сибирские огни»), где были напечатаны несколько рассказов и повесть, но, думаю, что я всё-таки избрал основное... М.Б. что-то пригодится и для Рубцовского центра? Я ведь обещал написать воспоминания о Коле, но пока не сбылось. Но почему? Я же учился с ним много лет в Литературном институте и сердечно дружил. У меня с ним бывали многие и многие часы откровений, я ездил к нему в Вологду, и там вместе с В. Беловым, А. Романовым и Витей Лихоносовым слушал его песни, его гармонию. Больше того, — за пять дней до своей гибели я получил от него телеграмму, где были слова любви к В. Потанину. Наверное, это было прощание. Наверное, он уже слышал с небес, что жизнь осталось недолго... Но я дальше не продолжаю, потому что не могу без слёз говорить и читать об этом человеке. И особенно сейчас, когда его нет близко, но я всё равно слышу его живое дыхание. Вот это, видимо, мне и мешает о нём написать, вспомнить все его главные слова, а они — были, были, потому он, наверное, часто приходит ко мне во сне. И ещё, и это тоже причина — мои строчки о нём не всем бы понравились, потому что для меня слишком живой, а не тот уже литературный гений очень похожий на Фета, на Тютчева, одним словом, уже портрет в золотой рамке. И потому из всех воспоминаний и слов о нём для меня наиболее дороги

мнения двух людей – Виктора Астафьева и его жены Марьи Семёновны. Кстати, в одной из бандеролей вы найдёте ж. «Подъём» № 4 за 2005 год. Там моя повесть «Последний пароход». Она публиковалась и после, но это – журнальный вариант, который для автора всегда самый дорогой. Кстати, при всей сложности и не простоте человеческих отношений Вал. Распутина и В. Астафьева (в последние годы), – Валентин Григорьевич написал мне особое письмо, где сказал, что мой «Последний пароход» — это самое лучшее, что есть об Астафьеве в нашей печати. Простите меня, что у меня вышло сейчас что-то вроде похвалы в свой адрес. Нет, здесь другое – просто слова Вали Распутина для меня очень и очень многое значит. К слову сказать, Виктор Петрович вместе с женой гостил у меня в Кургане, потом я тоже гостил у них в Овсянке. Но с той поры много воды утекло. Там сейчас есть даже Астафьевский центр. Но об этом вы знаете лучше меня. И потому, если есть у вас адрес (точный) этого центра, то сообщите мне. Я же, к стыду своему, свой «Последний пароход» даже не отправил в Овсянку. Наверное, это ещё не поздно сделать? Вот видите, какой я несобранный и замедленный человек, а в последнее время ещё мешали разные больничные дела, нездоровье. Сейчас везде, даже на последний писательский съезд, со мной вместе ездит моя жена Люся. Просто, из-за здоровья, боится за меня, да и были уже разные случаи. Так же я был делегат, а она гостья съезда. Она же – филолог, автор ж. «Литература в школе», и Надя Крупина очень ценит её материалы...

А теперь снова – о моих посылках. Книги «Последние дни лета» и «Плаката кукушка» – это самое полное последнее. И «Роман-газета» (3 экз.) с моими повестями – тоже новыми. Посмотрите на всё строгими глазами. И, откровенно говоря, я волнуюсь, потому что Сургут стал сибирской «Ясной поляной». А для моей души – это ещё ближе, гораздо ближе. И Спасибо Большое за все Ваши Труды! Всё это уже вошло в историю нашей великой культуры, нашей великой русской литературы. И – храни себя! А за оком у меня – ещё празднуют Рождество. И посему – с Рождеством и пусть будет всё самое дорогое, заветное! Обнимаю крепко!

Сердечно ваш – Виктор Потанин

Р.С. Таня Цаплина выслала фильм о моей семье, дошёл ли? Автор фильма Елена Саенко за эту работу стала лауреатом международного фестиваля православных фильмов. Её уже почествовали в Москве. А сопредседателем жюри фестиваля был Владимир Крупин. ... И ещё – низко кланяюсь Сургуту! Конечно, очень хочется побывать в этом необыкновенном городе! Но уже мечтать об этом старому человеку как-то несбыточно, но всё равно хорошо на душе...».

Вот уже много лет общаемся с писателем по телефону, он присылает мне книги, в 2007 году подарил свой пяти томник с надписью: *«Дорогому Сергею Лагереву – с пожеланием счастья во все времена! Сердечно Ваш с волнением – Виктор Потанин. Июнь 2007 год».*

Р.С. В 2017 году Курганской областной детско-юношеской библиотеке присвоено имя Виктора Фёдоровича Потанина. От всей души искренне поздравляю писателя!

Время неумолимо: тех, кто знал Николая Рубцова, кто общался с ним, остались единицы. И я благодарен Судьбе, что мне посчастливилось быть знакомым с выдающимися поэтами и прозаиками, что были дружны с Рубцовым, и которых я упоминаю выше.

Станислав Юрьевич Куняев

Сургут. Со Ст. Ю. Куняевым. 2006 г.

Далёкий 2001 год. Трёхдневные культурные мероприятия в Сургуте, посвящённые 65-летию поэта Николая Рубцова, на которые были приглашены гости из Санкт-Петербурга, Москвы, Тюмени. Незабываемые дни! К этим празднествам в городе был издан сборник «Венок Рубцову», составителем которого я был вместе с поэтом из Санкт-Петербурга Сергеем Сорокиным. Кстати, это было первое в России издание подобного формата на Рубцовскую тему. После выхода книжки я решил её послать по почте людям, знавшим поэта. И первую бандероль отправил главному редактору журнала «Наш современник», замечательному поэту и прозаику Станиславу Юрьевичу Куняеву, зная, что он был дружен с Рубцовым. Вскоре получил из Москвы уникальный трёхтомник «Поэзия. Судьба. Россия» с авторской подписью: *«На добрую память Сергею Алексеевичу Лагереву книгу моей*

судьбы и нашей жизни. Спасибо за Рубцова. Ваш Ст. Куняев 2.03.2001 г.» В одной из книг Станислав Юрьевич разместил большой материал о Рубцове, и вот как он вспоминает об открытии в сентябре 1985 года первого памятника поэту в Тотьме: «...Мы не могли позволить себе – и средств не хватало да и самосознания такого ещё не было, – чтобы какой-нибудь маленький городок решился бы поставить памятник своему знатному земляку, герою, воину, поэту, то есть украсить себя ликом или фигурой, присущими только этому городку, этой малой родине знаменитого человека. Такое время наступило лишь через несколько десятилетий, и лишь поэтому стало возможным создание памятника Николаю Рубцову в маленьком северном городке Тотьме на высоком берегу реки Сухоны. У Николая Рубцова есть два пророчества: «Я умру в крещенские морозы» и «Мне поставят памятник на селе» ... Оба они оправдались. Больше стало на Руси ещё одним святым местом!» — сказал, выступая у памятника, его создатель скульптор Вячеслав Клыков. Это было правдой, потому что вечером, во время литературного праздника учительница Тотемской средней школы, где учился Рубцов, рассказала, что в Тотьму и Николу уже много лет люди приезжают «к Рубцову», спрашивают земляков о нём, записывают воспоминания, оставляют их в местном музее, пишут картины, снимают любительские фильмы о родине поэта. А профессор Литературного института Михаил Павлович Ерёмин, у которого двадцать лет назад учился Рубцов, произнёс такие слова, от которых зал загудел и взорвался рукоплесканиями: «Думая о Рубцове, глядя на его памятник, побывав в его деревне, вспоминая его стихи, я сегодня испытываю чувство, которого давно уже не приходило ко мне, я горжусь, что я русский!»

Я звонил Станиславу Юрьевичу, благодарил его за книги, за новые для меня интересные данные о «литературной кухне» в СССР во второй половине двадцатого века. Писал в журнал письмо с благодарным отзывом, которое редактор опубликовал. И после Станислав Юрьевич всегда находил место в журнале для моих публикаций о Николае Рубцове.

В 2006 году Куняев приехал в Сургут вместе с большой группой авторов журнала «Наш современник». Мы много говорили о Рубцове, о его поэзии. Куняев вспоминал свои встречи с поэтом. Тогда же я подарил ему свой новый сборник о Рубцове «Поэту посвящается», в который снова поставил стихи Станислав Юрьевича. Потом по телефону главный редактор благодарил меня и, вообще, Сургут за издание книги и за то, что мы не забываем творчество замечательного русского поэта. В 2011 году Станислав Юрьевич вновь побывал в нашем городе вместе с А. Казинцевым. В 2012 году Куняев прислал мне книгу «Любовь, исполненная зла...» с автографом: *«Дорогой Сергей! Вспоминаю наши встречи и разговоры и благодарен Вам за Вашу подвижническую деятельность. Примите на память моё расставание с Серебряным веком – жалко, но что делать! Кстати, книга началась с того, что я написал вначале о трагической смерти Коли Рубцова... Он помог мне её написать. Ваш Ст. Куняев»*. В 2015 году я получил от Станислава Юрьевича бандероль с книгой о выдающемся русском поэте Юрии Поликарповиче Кузнецове «И бездны мрачной на краю...» и подписал её так: *«Дорогой Сергей! Прими от меня на память книгу о моём друге Поликарповиче. С благодарностью за любовь к Рубцову. Ст. Куняев. P.S. О Коле в этой книге я тоже вспоминаю. 6.03.2015»*. Кстати, Ю. П. Кузнецов гостил в нашем городе в 1999 году. И я беседовал с ним о Николае Рубцове. Юрий Поликарпович говорил, что самыми близкими по духу поэты для него это В. Казинцев, Н. Рубцов и Н. Тряпкин. И я вспомнил его четверостишие: *«Искусства нет – одни новации. / Обезголосел быт отцов. / Молчите, Тряпкин и Рубцов, / Поэты русской резервации»*. Кузнецов как-то встрепенулся и взволнованно сказал, что в русской литературе скоро не будет нам места, и что патриотам надо объединяться, чего, к сожалению, не получается. Что в нашем лагере царит разброд и непонимание того, что происходит. Я слушал поэта, чувствуя, как болит у него душа. Интересно, что сургутский поэт Алексей Сидоров, который был учеником Кузнецова на литературных курсах, и

я отвозили Юрия Поликарповича на рынок для покупки ему ондатровой шапки. И купили. Есть фотографии об этом интересном житейском случае.

Со Станиславом Юрьевичем Куняевым, настоящим воином в русском стане, я продолжаю общаться и по сей день. В первом номере журнала за этот год опубликован мой новый материал о Николае Рубцове. Хочу привести одно из стихотворений Куняева о Рубцове.

Памяти поэта

*Мы были с ним знакомы, как друзья.
Не раз в обнимку шли и спотыкались.
Его дорога и моя стезя
в земной судьбе не раз пересекались.
Он выглядел как захудалый сын
своих отцов... Как самый младший,
третий...
Но все-таки звучал высокий смысл
в наборе слов его и междометий.
Он был поэт, как критики твердят,
его стихи лучатся добрым светом,
но тот, кто проникал в тяжелый взгляд,
тот мог по праву усомниться в этом.
В его прищуре открывалась мне
печаль по бесконечному раздолью,
по безнадежно брошенной земле,
ну, словом, все, что можно звать любовью.
А женщины? Да ни одна из них
не поняла его души, пожалуй,
и не дышал его угрюмый стих
надеждою на них хоть самой малой.
Наверно, потому что женский склад
в делах уюта и в делах устройства
внезапно упирался в этот взгляд,
ни разу не терявший беспокойства.
Лишь иногда в своих родных местах
он обретал подобие покоя*

*и вспоминал о прожитых годах,
как ангел, никого не беспокоя.
Он точно знал, что счастье — это дым
и что не породнишь его со Словом,
вот почему он умер молодым
и крепко спит в своем краю суровом,
на вологодском кладбище своем
в кругу теней любимых и печальных...
А мы ещё ликуем и живём
в предчувствии потерь уже недалних.
А мы живем, и каждого из нас
терзает все, что и его терзало,
и потому, пока не пробил час,
покамест время нас не обтесало,
давай поймем, что наша жизнь — завет,
что только смерть развяжет эти узы —
ну, словом, все, что понимал поэт
и кровный сын жестокой русской музы.*

1971 г. Ст. Куняев

Валентин Григорьевич Распутин

Москва. С В. Г. Распутиным в его квартире. 2006 г.

Мне посчастливилось быть знакомым с великим русским писателем Валентином Григорьевичем Распутиным. Анатолий, мой брат из Питера, по долгу своей работы был знаком со многими выдающимися русскими поэтами и прозаиками, фотографировал и снимал о них документальные фильмы и близко общался с Распутиным. Я в то время коллекционировал книги с автографами авторов и попросил Толю, чтобы он попросил писателя подписать мне какое-нибудь своё издание. И в октябре 1990 года брат прислал мне книжку Распутина «Повести» с автографом автора: *«Сергею Лагереву, земляку-сибиряку, от автора на добрую память о нашей светлой Родине... Искренне В. Распутин. Октябрь 1990»*. Эта книга хранится у меня, как самая дорогая реликвия. Сургутский фонд «Словесность» не один год старался пригласить Валентина Распутина в Сургут, но получилось это только в 2004 году. Ночью 15 марта 2004 года, в день рождения

самого писателя, мы: председатель фонда «Словесность» Ю. А. Дворяшин, Н. В. Ганушак и я, встречали писателя в аэропорту Сургута. Распутин прилетел в наш город на три дня, перед этим побывав на священном Афоне. Дни, проведённые с Валентином Григорьевичем, всегда будут помниться. Первое время мы как-то робели перед ним, но оказалось, что Распутин очень прост в общении. Писатель провёл несколько встреч с читателями и жителями города. Его поразила ГРЭС-2, куда с большим интересом Валентин Григорьевич согласился поехать. Везде, где проводились встречи с высоким гостем, зал всегда был полон. Для всех писатель был открыт и приветлив, и находил доброе слово. В январе 2006 года мы вновь встретились в Москве на праздновании 70-летия со дня рождения поэта Николая Рубцова, которое проводилось в музее А. С. Пушкина. Валентин Григорьевич встретил нас, обняв, как старых знакомых. Я с братом побывал у Распутина дома в Староконюшенном переулке, где нас угощали ухой из сёмги. Толя там и сделал фотографию, которая представлена в этой заметке. Распутин дал мне свои московские телефон и адрес, а также иркутские, так как ранней весной он каждый год уезжал в родной Иркутск, уставая от шумной и суетной Москвы. Валентин Григорьевич с Рубцовым знаком не был, с поэтом дружил его друг драматург Александр Вампилов, но Распутин в наших разговорах всегда поддерживал моё занятие поэзией Николая Рубцова, творчество которого почитал и любил, и писал об этом. Есть много высказываний писателя о Рубцове, я приведу несколько коротких, но значимых: *«Чудный изныв русской души по Родине след за Есениным пропел Рубцов. Но не повторил, а извлёк в небывалых доселе звуке и чувстве, в которых радость и боль, близкое и далёкое, небесное и земное существует настолько слитно, будто это одно и то же есть!»*; *«В поэзии Николай Рубцов, в прозе Василий Шукшин, в драматургии Александр Вампилов... – кажется, самую душу и самую надежду почти в единое время потеряла с этими именами российская литература... И, кажется, сама совесть навсегда осталась с ними в литературе...»*; *«...Есть поэты, которые прорастают сквозь почву России и говорят*

тем языком, который существует в России, выражают душу, действительно душу России. Для меня Рубцов именно такой поэт...».

После января 2006 года мы не встречались. Я иногда звонил Валентину Григорьевичу, и он, несмотря на занятость, присылал мне свои книги. Храню их в своём архиве, а также пять писем Распутина, написанных своим микроскопическим почерком. Одно из них, напрямую связанное с Николаем Рубцовым, хочу привести:

«03.11.09. Дорогой Сергей! Письмо от тебя получил как не полгода ли назад, но все эти месяцы, особенно летние, находился в «ауте», как мы в молодости называли полную беспомощность и бездействие. Признаки этого у меня проявлялись и раньше, подействовала, наверное, гибель дочери. Но никогда ещё так. Совсем не работал, почти не читал, бродил как тень. Экспедиция по Ангаре с Курбатовым и Сапроновым немножко встряхнула, но кончилась она, эта экспедиция, печально: сразу после возвращения скончался Г. Сапронов, и тут же в Пушкиногорье Савва Ямищikov. Это тоже не могло не подействовать. За всё лето до октября никому не написал ни строчки. Не мог. И только сейчас начинаю шевелиться.

Прости, я подвёл тебя, не выполнив твою просьбу послать в Вологду рекомендацию для Рубцовской премии. Конечно, прежде всего, тут сыграла моя беспомощность. Но, пожалуй, не только. Думаю, что сделанное тобою для Рубцова ни в каких «высоких» рекомендациях не нуждается. Подталкивать твою кандидатуру авторитетами – в этом есть что-то лишнее, задевающее и Рубцова и тебя. Разве мнение вологодских писателей, а также мнения Дворяшина и Денисова недостаточно? Какая-то в худшем виде советчина, боязнь взять решение на себя. Вот то, что я хотел тебе сказать. Если обида отступила – рад буду получить от тебя письмо. Я снова в Москве, постараюсь отсидеться дома, но как выйдет – Бог весть! Обнимаю. В. Распутин».

Хочу прояснить ситуацию в связи с этим письмом. В 2009 году мне позвонили из Вологды и сказали, что меня номинируют на Рубцовскую премию. А для этого надо взять

рекомендацию у какого-нибудь известного писателя. Я, ни-чтоже сумняшеся, написал Валентину Григорьевичу. Всегда чувствовал какую-то неловкость от этого письма, от этой своей просьбы. И, получив от В. Распутина умное и полезное для меня письмо, успокоился. И написал ему ответное, в котором извинился, назвав эту мою слабость дуростью. А премия в том же году была отменена. А для меня слова Валентина Григорьевича стали уроком на всю жизнь.

Зимой 2005 года я договаривался с писателем о своей поездке в Иркутск, так как с начала восьмидесятых годов не бывал там, на своей малой родине. Я тоже родом из Иркутска, дедовский дом стоял в селе Листвянке на берегу Байкала. Валентин Григорьевич ответил: *«Дорогой Сергей! На Байкал лучше всего приезжать в конце лета, а ещё лучше – в начале осени. К этому времени, и вода нагревается в Байкале, и туристического нашествия становится меньше, да и вообще всего постороннего меньше. Но это надо согласовать с Костей Житовым. А если ещё и Толя приедет – совсем хорошо. Вообще же – или этой осенью, или следующей в Иркутске наверняка или писательский Пленум, или что-нибудь в этом роде, тогда Толя, как участник сего события, будет избавлен от необходимости платить за проезд, да и с Байкалом всё будет проще. Словом, отдадимся пока течению времени, оно должно вынести к байкальскому берегу. А нет – тогда уж придётся своим ходом»*. Очень жалею, что поездки не получилось. И вряд ли мне уже удастся побывать на Байкале.

Знаю, что после посещения нашего города Распутин рассказывал своим сотоварищам писателям о Сургуте, о встречах с читателями, говоря, что именно провинция – это истинная Россия, и чтобы это почувствовать, надо побывать в Сургуте. Вот что он написал в книге отзывов, побывав на сургутской ГРЭС: *«Много где бывал, много что видел, но не ожидал увидеть в наши дни такое чудо и такую мощь! Каждого нытика и невера неплохо было бы приводить сюда – для укрепления духа. Спасибо! Служите России, никому больше! И знаю я теперь, побывав здесь, что Россия сильнее,*

чем она представляется из Москвы, да и откуда угодно. Здоровья вам и вашему величеству – станции!»

Последние несколько лет Валентин Григорьевич болел, а 14 марта 2015 года, накануне своего 78-летия, великий писатель, классик русской литературы, скончался. 17 марта в Храме Христа Спасителя в Москве прошло отпевание и прощание с писателем. Отдать последнюю дань приезжал и президент России В. В. Путин. Обряд провёл сам Патриарх всея Руси Кирилл. А 18 марта гроб с телом покойного был отправлен в Иркутск. Сначала хотели провести захоронение там, где просил сам Валентин Григорьевич в завещании – на Смоленском кладбище Иркутска, где лежит его жена Светлана Ивановна и дочь Мария, погибшая в авиакатастрофе. Однако в итоге родственники Распутина решили, что последний приют он должен найти на территории старейшего в Сибири Знаменского монастыря, где захоронены известные исторические личности: княгиня Трубецкая и её дети, путешественник Григорий Шелехов, декабрист Николай Панов, епископ Иннокентий (Нерунович). И 19 марта не только иркутяне, но и вся Россия, простились с писателем.

Светлая память... Будем жить и будем помнить...

Валентин Яковлевич Курбатов

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина. С В. Я. Курбатовым. 2013 г.

Просматривая в СМИ материалы по творчеству Николая Рубцова, как-то раз нашёл интересную статью о поэте известного литературного критика и писателя Валентина Яковлевича Курбатова, и решил послать ему книжку «Венок Рубцову», изданную в Сургуте. Найдя адрес критика, отправил ему свой сборник, не думая, что Курбатов ответит. Но вскоре получил из Пскова бандероль с книгой «Крест бесконечный». Это была переписка двух выдающихся литераторов: Валентина Курбатова и Виктора Астафьева. На титульном листе находился автограф автора и дата – 3 ноября 2002 года. И с этого времени началась наша, правда редкая, переписка, сначала эпистолярная, а потом и по электронной

почте. Иногда мы переговаривались по телефону. В 2003 году я попросил Валентина Яковлевича прислать мне свой отзыв о творчестве Николая Рубцова для нового сборника «Поэту посвящается», который я хотел издать к семидесятилетию со дня рождения поэта. Вскоре получил письмо:

«На наших глазах закатилась целая эпоха русской литературы. Чтобы отчётливо понять это, достаточно прочитать любой сборник Николая Рубцова. «Это было в России – это было в раю», – сказал о совсем другой эпохе В. В. Набоков. Теперь и мы о своём прошлом, никуда не выезжая и не обрывая традиций, тоже скажем с печалью: «Это было в России – это было в раю». Кто теперь скажет от полноты сердца:

*Тихая моя Родина! Ивы, река, соловьи...
Привет, Россия, – Родина моя!
Россия! Как грустно...
Россия! Русь! Храни себя, храни!*

Это не «тема» — это кровь в вековой рифме со словом «любовь». Родина больше не пронзает нашего сердца, потому что её унесли в злые газеты и на порочные экраны, продали в Думы и партии, одели в ложные гимны и флаги, сделали из плоти и сердца пустые слово и символы. Но, слава Богу, ещё не отняли память о ней, живущую в глубине сердца, где заняли оборону Пушкин и Тютчев, Некрасов и Блок, Твардовский и Рубцов. Они держатся и держат нас, надеясь, что мы подойдём с подкреплением.

*Помоги вам Бог, святые наши заступники!
Мы слышим! Мы вернёмся!»*

Я поставил эти волнительные слова Валентина Яковлевича в свой сборник, а когда он был издан, отослал книжку в Псков. Писатель ответил мне: «Псков. 14 октября 2007. Спасибо, дорогой Сергей Алексеевич, за Рубцова, за альбом. Аркадий Елфимов давно манит меня в Тобольск и в одном из номеров их альманаха я даже печатал свою работу по его

просьбе. Но графики мои тесны и пока лежат в другой стороне. Даже и в Тюмени, а Бог даст, и в Сургуте мы могли бы быть в этом ноябре с «Литературной учёбой», но обстоятельства повернулись иначе. Октябрь и ноябрь оказались отданы Холму Славы, который мы, с лёгкой руки Проханова, насыпали здесь на западных рубежах России, свезли в него земли великих могил белых и красных и молитвенников, Александра Невского и Александра Матросова, большевиков и Колчака с Деникиным. Надеемся кого-то устыдить и начать русскую историю с красной строки. Пока вокруг вертятся всякие «единые России», но празднества отойдут, а Холм под огромным крестом будет глядеть на всякого мимо идущего человека и говорить ему самое важное, проверять его сердце. Меня, во всяком случае, эта идея пока очень радует и кажется необыкновенно важной и в самом деле поворотной. Только дал бы нам Бог найти подходящие, единственные слова. Вообще в Россию возвращается Слово. Вернее, необходимость его. Слова так безнадежно потеряли свои коренные значения, что нам придётся научиться говорить снова, с первого слова – по слогам. Да жалко, что мы уж очень бойки и смириться не хотим для вдумчивого разговора. Ну, ничего, жизнь заставит. А пока посылаю Вам карточки с Кургана, сделанные Толей Пантелеевым. Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

В письмах и телефонных разговорах к писателю я постоянно приглашал его посетить Сургут, и только в сентябре 2013 года Валентин Яковлевич приехал в наш город вместе с моим братом. На нескольких культурных площадках города прошли тогда незабываемые встречи с Курбатовым: в гимназии им. Ф. Салманова, в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина, в педагогическом университете, в православной гимназии. Писателя интересовало всё: он посетил краеведческий музей, Историко-культурный центр «Старый Сургут», побывал в храме и побеседовал там с батюшкой, посмотрел, как работают турбины ГРЭС – 1, и даже увидел труд нефтяников. Поездку на промыслы организовать было непросто, но председатель общественного городского фонда «Словесность» Николай Ганушак договорился в Сургутнефтегазе об

этом. Курбатов, человек энциклопедических знаний, был прост и очень интересен в общении, много шутил. Эта встреча с ним навсегда осталась в памяти, и не только, думаю, моей. Перед отъездом Валентина Яковлевича и Анатолия Пантелеева из Сургута, мы, как истинные сибиряки, пригласили их в ресторан «Медвежий угол». Вечер прошёл замечательно. Рядом были близкие по духу люди, велись душевные разговоры, читались стихи, пелись народные песни. В Курбатове не было никакой фанаберии и снобизма, он был понятный, домашний, свой.

Хочу привести несколько автографов Валентина Яковлевича, оставленных на присланных мне книгах. В этих коротких записях можно увидеть многое: его отношение к Родине, тревогу за русское Слово и за то, что происходит в России сейчас, его юмор.

Книга «Крест бесконечный» – *«Сергею Алексеевичу Лагереву – из глубины России, Пскова, во глубину России – Сургута, с верой, что только эта глубина матушку Россию и держит. Вал. Курбатов. 3 ноября 2002».*

Книга «Подорожник» – *«Сергею Лагереву – в воспоминание о великой советской литературе, которая была русской – русской, не думая об этом, потому что жила «дома». А мы сегодня взметены чужим ветром и все в какой-то беспоконной дороге. Да утешает нас бедный русский подорожник, который и в пыли и забвении не знает обид, а утешает и врачует живую рану. Может, и новая литература научится этому у старой... Дай Бог! Вал. Курбатов. Псков 27.03.08»*

*Книга «Пушкин на каждый день» –
«Мостов в России – слава Богу!
Какой поэт не перейдёт,
А там уже, оставив ногу,
Его задорный критик ждёт.
И вмиг, не ведая сомнений,
Опершись ж... о гранит,
Какой бы не был явлен гений,
Сейчас возьмёт и «объяснит».*

Серёже Лагереву и так знающему – от «объясняющего» Вал. Курбатова с надеждой ещё переплыть Обь вдоль за счастливым разговором. Псков. 23.09.2016. В. Курбатов».

Книга «Дневник» – «Сергею Лагереву, раз уж география развела нас, и мы не всякий вечер можем встретиться вместе, так вот – вместо отчёта «Дневник». С дружеской нежностью Вал. Курбатов 29.09. 2019. Псков.»

А вот так писатель шутиливо поздравлял меня с днём рождения: *«Ура! Вся страна празднует Ваш день рождения, Серёжа! И я примазываюсь к стране и тоже иду налить рюмочку, чтобы посидеть с Вами на родной Геологической улице. Покоя и воли! Потому что счастья, как давно узнал Пушкин, нет. Ваш Хансийский Манси из Пскова».*

Шестого марта этого года я узнал скорбную весть – в Пскове на 82-ом году жизни Валентин Яковлевич Курбатов скончался. Не стало выдающегося литературного критика, православного писателя, искусствоведа. Если я буду перечислять его награды, то это займёт полстраницы. Скажу только о двух – в 2020 году он был удостоен Государственной премии РФ, а ранее – Патриаршей. А самое главное – он был очень хорошим Человеком!

В сентябре 2019 года, кажется, совсем недавно, я поздравлял его по телефону с 80-летием. И сам Курбатов говорил о своём юбилее удивительные слова: *«Каждое мгновение прекрасно, встаешь каждое утро – восторг, солнышко светит – прекрасно, дождик – еще лучше, тучки наши – превосходно, и вот когда тебя окружают самые дорогие люди и когда съезжаются друзья, ты чувствуешь, как плодотворна жизнь, ты думаешь, неужели, мне будет 80 – и какое счастье!»* И вот... Как быстро всё меняется в мире.

Почти во всех СМИ были размещены некрологи и слова соболезнования в связи с кончиной Валентина Яковлевича. Владимир Толстой, советник президента РФ по вопросам культуры, председатель жюри «Ясная Поляна» написал: *«Для меня это огромная личная потеря родного человека, который долгие годы был самым близким собеседником. Человек, с которым мы вместе шутили, и плакали, и смеялись. Не могу поверить, что всё это так внезапно оборвалось. Он*

удивительно умер! С букетом цветов для своей жены, который просто не донёс до дома»

Газета «Литературная Россия» – «Русская культура понесла тяжёлую утрату. В одночасье скончался Валентин Яковлевич Курбатов. Ушёл из жизни православный мыслитель и писатель. Его слово, напитанное сердечной горечью и болью, не оставляло читателя равнодушным. Начав свою творческую деятельность как журналист, рецензент, критик, он сделал свои сочинения – литературой. Самобытной. Обогащающей. Духовной. Царствие Небесное Вам, мудрый и верный человек!»

Многих, и меня тоже, это печальное известие поразило. Поэт из Екатеринбурга Александр Кердан откликнулся стихотворением. Воспроизвожу с разрешения автора.

На смерть Валентина Курбатова

*Красиво умер человек:
Решил купить букет супруге,
Такой, чтоб лучшим был в округе...
И умер на глазах у всех*

*Так должен умирать поэт –
Легко, счастливо, безупречно,
Лишь пригубив Любви вечной...
Поэт так должен... Критик – нет!*

*Но если всё ж он так почил –
С букетом роз, в весеннем сквере...
Дается каждому по вере
И в срок, когда Господь решил.*

Смерть Валентина Яковлевича Курбатова – невосполнимая утрата. Выдающийся деятель русской культуры всегда находил в своём непомерно загруженном графике время для многих, и для меня тоже. И для всех добрая его душа была открыта. Чувство, что потерял родного человека, не покидает меня. Не с кем будет сверять свои мысли и чувства, я уже не

услышу по телефону его глуховатый голос, и не получу на почте из Пскова письма или книги. Жаль, безмерно жаль... Вспомнились слова Курбатова, сказанные им перед отъездом из нашего города преподавателю литературы Сургутского политехнического колледжа Светлане Тюрморезовой: *«Прощай, сестра Фотинья (по-старославянски Светлана). Увидимся ли ещё...»*. Потом помолчав, добавил: *«Разве что на Небесах... Ну, там просторней...»*. Светлая память!

Василий Иванович Юровских

«Я не признаю деление художественной литературы на стихи и прозу. Поэтический язык должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическому слогу должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха» – писал великий русский писатель Иван Алексеевич Бунин. Ко многим, даже известным литераторам, это высказывание вряд ли подходит. А вот о писателе, о ком пойдёт речь, можно с уверенностью сказать, что эти слова именно о его творчестве. Это Василий Иванович Юровских из города Шадринска Курганской области. Я пришёл к его творчеству поздно, о чём сожалею. И то с подачи Валентина Григорьевича Распутина. Когда в 2004 году писатель посещал наш город, я спросил у него, что бы он почитал в свободную минуту для того, чтобы отдохнуть душой. Распутин недолго подумал и сказал: *«Этюды о природе Васи Юровских»* и добавил: *«А ему, кстати, был очень близок Николай Рубцов»*. Услышав имя поэта, я заинтересовался. Книг этого автора нигде не было, даже в библиотеках, но я нашёл выходы на писателя через шадринскую библиотеку. Написал письмо. Вскоре пришёл ответ и книги, подписанные автором, и я просто окунулся в поэзию природы, в детство.

Василий Иванович сам был дитя леса, опушек, речных лугов и полностью растворялся в своих новеллах с природой, понимая язык птиц и лесных зверушек. И всё это он описывал прекрасным русским языком. Недаром так восторженно о его творчестве писали многие выдающиеся писатели России. Валерий Ганичев: *«На мой взгляд, Василий Юровских – лучший писатель из пишущих о природе... Он – и наш Тургенев, он и наш Пришвин...»*. Евгений Носов (из письма): *«... У меня много книг, но, когда попадает в руки твоя, какое-то тёплое чувство полнит душу: видно, о давней любви и привязанности к тебе, но ещё больше – от созвучия души и понимания друг друга. Такое искусство действительно радостно, как пахнущий костёр на ветру по зябкой осени, как внезапно объявившийся за окном снегирь на голой ветке. Береги себя, ты ещё много сделаешь удивительного своим необыкновенным пером и сердцем, тебя будут всегда любить дети и простые люди земли за твою искренность и веру в добро!»*. Виктор Астафьев (из письма): *«Читал твой «Веснозалец», словно сахарок сосал! Талантливый ты художник! Так и держись! Прекрасно пишешь, всё зримо, осязаемо до крайности, хорошо, достоверно. Мне так захотелось вместе с тобой побывать в лесу по весне или в клубничную пору лета...»*. Валентин Распутин о книге «Материнское благословение», вышедшей в 1979 году: *«Книжка прекрасная: я имею в виду и то, как издана, и, главное, то, что в ней. Это большая радость, что тексту, духу книжки было найдено столь точное уютное и добротное жильё, этаким терем-теремок. У меня ведь дочь, которой исполнилось на днях восемь лет, и мы с ней твою книжку по вечерам читаем»*. И, заметьте, эти прекрасные отзывы сказаны при жизни писателя. А все знают, как скупа пишущая братия на похвалы друг другу. Мы переписывались с Василием Ивановичем более трёх лет, в самую чёрную полосу его жизни, вплоть до его смерти. В 2004 году скоропостижно скончался его сын Владимир – талантливый художник, который делил с отцом все охотничьи и рыбацкие пути-дороги, оформлял его книги. Эта смерть буквально подкосила писателя, и последние годы он сильно болел.

Вы задумывались когда-нибудь о том, что мы совсем перестали смотреть на небо, на облака? В суетной, вечно спешащей куда-то нашей жизни мы не замечаем окружающий нас мир: пение птиц, бледно-зелёных листочков, когда они появляются после первого тёплого весеннего дождика. Не понимаем или понимаем, но ничего с собой поделать не можем, что этим обедняем своё существование. А вот после прочтения рассказов, повестей и новелл Василия Ивановича Юровских вдруг начинаешь замечать, что тебя окружает: красота природы, утренние птичьи трели, воркование голубей. Становится легче на душе и на сердце. Он, как талантливый писатель, и творил для этого, чтобы пробудить нас чувство любви к своей земле, к пониманию красоты природы. Приведу конец большого письма ко мне: *«... У меня много газетных публикаций про Рубцова, Есенина и Шукшина, лежат без дела. Если удастся, то переishлю с оказией, по почте слать дорого. Спасибо и Вам за доброе отношение ко мне и моим книгам! Сердечно ваш – Василий Юровских. 31.08.2004 г.»*

Один из самых проникновенных и тончайших писателей о природе, Василий Иванович Юровских скончался 26 апреля 2007 года. Похоронен в городе Шадринске, почётным жителем которого являлся. Одна из библиотек города названа его именем. У меня остались книги, присланные писателем, письма, написанные летящим почерком, который было иногда трудно расшифровать, осталась тёплая память о нём. И засушенный тополиный листок, который Василий Иванович положил между корочками присланных мне бумаг. Это мог сделать только такой тонкий писатель, как он.

Анатолий Иванович Лукьянов

Москва. Государственная Дума. С А. И. Лукьяновым.
2003 г.

В 2002 году я прочитал в газете «Правда» большую, интересную статью В. Кожемяко «Поэтическая любовь Анатолия Лукьянова». В ней известный политик рассказывал о своей жизни, о литературных пристрастиях, о коллекционировании книг и аудиозаписей и о том, что готовит к выпуску антологию «Сто поэтов XX века», в которой на десяти дисках будут звучать «живые» голоса русских поэтов. Ещё упомянул и очень хорошо отзывался о поэзии Николая Рубцова. Меня это заинтересовало, и я написал в газету письмо. Рассказал о своём увлечении, не надеясь, что оно дойдёт до Анатолия Ивановича Лукьянова – видного государственного и политического деятеля СССР, последнего Председателя Верховного Совета страны, талантливого поэта. Просто написал, как «на деревню дедушке». Но, через какое-то время, мне прямо на квартиру вдруг принесли письмо со

знаком Государственной думы и надписью «Правительственное».

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Мне передали из редакции «Правды» Ваше письмо – отклик на опубликованную в этой газете моё интервью о коллекции голосов поэтов, которую я собираю почти 50 лет. В этом месяце Антология «Сто поэтов XX века» выпущена издательством ИТРК. В ней на десяти дисках голоса ста поэтов, большинства из которых уже нет в живых, начиная с Бунина, Брюсова, Блока, Гумилёва, Волошина, Ахматовой и др. Есть в этой Антологии и шесть стихотворений Николая Михайловича Рубцова. Я выбрал их из 16 стихотворений, записи которых у меня имеются. Это стихи, которые были написаны поэтом с 1960 по 1971 год. Список я прилагаю. Кроме того, у меня есть воспоминания о Рубцове – записи голосов В.И. Белова, С.Ю. Куняева и других знавших его людей. Собирателей книг и записей голоса Рубцова, насколько я знаю, в России много (Москва, Ленинград, Архангельск, Вологда и др.) Создаётся своеобразное братство вокруг творчества замечательного, подлинно русского поэта. Рад, что Вы принадлежите к этому братству. А. Лукьянов.

Ответное письмо я направил прямо на адрес Государственной Думы. Написал о себе, о наших литературных делах в городе, послал книгу посвящений «Венок Рубцову», которую в 2001 году мы издали в Сургуте. Также послал записи авторского чтения стихов Николаем Рубцовым, которых не было в архиве у А. И. Лукьянова. Письмо и бандероль дошли до адресата, и вскоре я получил ответное письмо. В феврале 2003 года в московском Центральном Доме литераторов прошла презентация уникального проекта «100 поэтов XX века», в основу которого легла фонотека, собранная А. И. Лукьяновым. Такая антология была издана впервые. Вскоре, будучи в Москве, преподаватель Сургутского педагогического университета Н. А. Дворяшина, встретила, по договорённости, с Анатолием Ивановичем и приобрела два экземпляра антологии: себе и мне. Так эта уникальная вещь, красиво оформленная, состоящая из десяти дисков с голосами поэтов и книги, в котором стихи, читаемые авторами, были

продублированы в печатном виде, появилась в Сургуте, а вскоре и в Центральной библиотеке имени А. С. Пушкина. Как раз в то время наш музыкально-драматический театр готовил спектакль о поэзии XX века «Среди миров, в мерцании светил...». Узнав о приобретённой мной антологии, у меня в гостях побывали актёры театра для того, чтобы послушать, как выдающиеся русские поэты читают сами свои стихи. Звучали голоса И. Бунина, С. Есенина, А. Ахматовой, Н. Гумилёва, А. Блока и других. Думаю, что это помогло актёрам в их работе. А моё общение с А.И. Лукьяновым продолжалось. Я иногда звонил ему на домашний телефон, он так меня просил, так как на работе не было времени разговаривать. Говорили о разном, делились литературными новостями. Его помощник по Госдуме присылал мне сборники стихов Анатолия Ивановича. В июне 2003 года я поехал в Вологду через Москву, и там прямо в Госдуме мы встретились лично. Около двух часов такой занятой человек посвятил нашему разговору. Я сначала как-то робел, но А. И. Лукьянов был очень доброжелателен. Позволил своему помощнику фотографировать нас. Интересно рассказывал о себе, о литературной жизни столицы, о своих впечатлениях и опасениях. Говорил о трагических событиях 1991 года, подарил книгу «Переворот мнимый и настоящий», написанную им в «Матросской тишине». Я попросил его ещё раз рассказать о том, как он помог Николаю Рубцову в трудный период его жизни. Об этом случае были строчки в той статье из газеты «Правда». И Анатолий Иванович вновь поведал мне эту историю. Привожу слова из своей блокнотной записи, сделанной с разрешения Анатолия Ивановича в период разговора и потом одобренные им.

«Где-то в конце 1964 года (в то время я был заместителем заведующего отделом Президиума Верховного Совета СССР) мне позвонили поэты Александр Яшин, Stanisлав Куняев и Вероника Тушинова и попросили помочь поэту Николаю Рубцову. В назначенное время Яшин пришёл не один, а с поэтессой Вероникой Тушиновой. Суть их просьбы была такова: вологодского поэта Николая Рубцова исключили из Литературного института, и они просили меня посодейст-

вывать о его восстановлении. К этому времени я уже знал имя поэта, читал подборки его стихов в журнале «Октябрь» и понимал, что Николай Рубцов – это настоящее явление в русской поэзии. Я позвонил в институт, представился и поговорил с ректором или его заместителем (сейчас точно не помню фамилию). Сказал следующее: «Как же вы не понимаете? Вы отчисляете из института, может, второго Есенина!» (Кстати, почти также говорил В. Кожин своему отцу, когда тот не пригласил Рубцова в свой дом в новогоднюю ночь 1965 года. – С. Л.) Меня выслушали и пообещали дело это уладить. Помню, что даже зачитали его строчки из заявления, чтобы, я так понимаю, показать мне на какие уступки они идут. Эти слова сейчас знают все любители творчества Николая Рубцова.

*Возможно, я для вас в гробу мерцаю,
Но заявляю вам в конце концов:
Я, Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю.*

Николай Рубцов был восстановлен в Литературном институте, но только на заочное отделение, а потом и успешно закончил его».

Больше, к сожалению, мы не встречались. Я редко звонил Анатолию Ивановичу. К 2006 году, к юбилею Николая Рубцова, я готовил новую книгу воспоминаний «Поэту посвящается». И попросил Лукьянова прислать мне для этого сборника своё стихотворение о Рубцове. Он мне прислал два. Одно я поставил в книгу. Сразу после выхода сборника из печати отослал её Анатолию Ивановичу. В телефонном разговоре он благодарил меня, говорил добрые слова о книге, о нашем городе.

«Москва. Уважаемый Сергей Алексеевич! Рад был Вашему сегодняшнему звонку по телефону. Меня долго не было в Москве и поэтому Вы не могли дозвониться. Сейчас пока у меня много политической и научной работы. Поэтому не было возможности серьёзно заниматься фонотекой писательских голосов. Надеюсь, что в феврале такая возмож-

ность появится. Как условились, посылаю Вам два коротких стихотворения на рубцовскую тематику. Они не публиковались и написаны в 2002 - 2003 году. Два других стихотворения, где упоминается Николай Рубцов, как Вы, наверное, знаете, были опубликованы. Ещё раз поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего самого доброго Вам и Вашим близким. Привет и наилучшие пожелания всем любителям поэзии Сургута! Ваш А. Лукьянов»

Проект, о котором мне писал Лукьянов, о подготовке трёх лазерных дисков, посвящённых Николаю Рубцову, у нас как-то не случился, хотя нового материала было собрано много. В 2004 году Анатолий Иванович сложил свои обязанности депутата Государственной Думы и работал профессором кафедры конституционного и муниципального права в МГУ имени М. В. Ломоносова, консультировал ЦК Компартии России. В последние годы Анатолий Иванович часто болел. Когда я изредка звонил, то трубку брала Людмила Дмитриевна, жена, спрашивала, кто звонит, и сообщала супругу, только тогда он брал трубку телефона. В январе 2019 года Анатолий Иванович Лукьянов скончался. Светлая ему память! Так случилось, что именно поэзия поэта Николая Рубцова и подарила мне знакомство с таким талантливым, неординарным, большим Человеком. И посещает мысль, что были бы у нас во власти вот такие, как он, патриоты, не представляющие свою жизнь без России, люди честные и творческие, любившие и понимающие русскую культуру, то и страна, думаю, жила бы по-другому.

Первый снег в Вологде

*Осени холодное дыхание.
Первый снег нагрянул и затих.
Мчатся облака – воспоминанья.
Не могу избавиться от них.
С ними звуки музыки печальной,
Образы поэтов и певцов,
С ними голос твой исповедальный
Свет и боль российская – Рубцов.*

*С ними сердца нашего примета.
Песни петь от первого лица.
Нет без боли русского поэта,
Нет без страсти кисти и резца.
Свет их через тернии и грозы,
Как звезда над ширью полевой.
И шумят озябшие берёзы
Над моей усталой головой.*

Анатолий Лукьянов

Михаил Петрович Лобанов

17 ноября 2020 года исполнилось 95 лет со дня рождения Михаила Петровича Лобанова, русского писателя и критика, фронтовика, кавалера орденов Красной Звезды и Отечественной войны 1-ой степени, выдающегося мыслителя и публициста, профессора Литературного института им. Горького, более 50 лет руководившего творческим семинаром прозы, неслышимого патриота России, о котором В. В. Кожин говорил, что именно он «наиболее полно – из всех известных мне моих современников – воплотил в себе русскую духовную стихию».

В конце девяностых годов прошлого века и нулевых этого в Сургуте проходило много самых разных встреч читателей с известными писателями и поэтами России, а также литературных конференций. В октябре 2001 года наш город посетили гости из Москвы – литературный критик Михаил Лобанов и поэт Анатолий Парпара. В Центральной библио-

теке Сургута они проводили встречи с сургутянами. После одной из них меня попросили сопроводить гостей в гостиницу «Нефтяник». Анатолий Парпара куда-то ушёл, и я остался с Михаилом Петровичем. Он меня спрашивал о городе, о местных писателях, и, зная из разговоров в библиотеке, что я занимаюсь творчеством Николая Рубцова, спросил о моём любимом стихотворении поэта. И я ему прочитал два: «Бессонница» и «Памяти матери». Он как-то разволновался, начал что-то искать в своём портфеле, и достал книгу «Страницы памятного», раскрыл её и показал мне свою статью «Стихия ветра», где писал о поэте Николае Рубцове и упоминал именно стихотворение «Памяти матери». Конечно, я читал статьи Михаила Петровича, некоторые его книги, но вот эту не встречал. Хочу привести отрывок из тех строк, что автор писал о творчестве Рубцова.

«... Николаю Рубцову дано было сказать своё слово о природе и – что очень трудно после Тютчева – о стихии ветра. Это было бы невозможно, если бы поэт не обладал своим сильным мироощущением, в основе которого была «жгучая смертная связь» с природой, родной землёй. Но что-то «жгучее, смертное» есть и в связи поэта с самой природой, ветром, вьюгой, вызывающими в его душе отклик чувств – мирных, тревожных, вплоть до трагических предчувствий. В стихотворении «Памяти матери», думая о ночи в пурге о её могиле «во мгле снегов», поэт вдруг как бы возрождает:

*Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь –
Ночные ветры?*

Вы чувствуете, как и вас пронзает это: что это? Кто стучит? Мать, умершая давно, но живущая в памяти как живая, – не она ли там, за порогом, в пурге, или это сама пурга? Сейчас всё в ветре, вся жизнь человека – всё в ветре.

Эта обнажённость мирочувствования переносит сознание за грань привычного, как в стихотворении» «Меня ведь свалят с ног снега, сведут с ума ночные ветры». Это та сила воображения, без которой всё на земле упростилось бы и жизнь сделалась плоской, несносной»

Потом пришёл Анатолий Парпара, и я вручил им нашу книжку «Венок Рубцову», которую мы издали к 65 - летию поэта, сказав, что в сборнике есть и стихотворение Парпары. Михаил Петрович Лобанов подарил мне свою книгу, в которой писал о Рубцове, и подписал её так: «Дорогому Сергею Лагереву – поклоннику Николая Рубцова – с надеждой, что эта книга найдёт гостеприимство в доме Сергея хотя бы потому, что в ней есть кое-что о любимом его поэте». Попрощались, так как они утром улетали в Москву, и Михаил Петрович дал мне номер своего домашнего телефона. Редко, но я иногда звонил ему, поздравляя с днём рождения или с праздниками. А в июне 2003 года мы встретились в Москве. Я созвонился с ним, писатель был очень занят, шли экзамены в Литинституте, в котором он много лет вёл семинар, и предложил встретиться в метро «Юго-Западная». Мы встретились, Михаил Петрович прямо там, на станции метро, подписал мне свою замечательную, вышедшую недавно книгу воспоминаний «В сражении и любви». Немного, минут 15, поговорили, я сфотографировал его. И больше лично мы не виделись. Только были редкие мои звонки. Хочу полностью привести стихотворение Николая Рубцова «Памяти матери», о котором упоминал критик:

*Вот он и кончился, покой!
Взметая снег, завывла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.
Сижу среди своих стихов,
Бумаг ихлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.
Там поле, небо и стога,
Хочу туда, – о километры!*

*Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!
Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!
Кто там стучит? Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь –
Ночные ветры?*

Советский русский писатель, литературовед, критик и общественный деятель, лауреат Большой литературной премии России, кандидат филологических наук Михаил Петрович Лобанов скончался 10 декабря 2016 года в возрасте 91 год.

Михаил Александрович Тарковский

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
С М. А. Тарковским. 2015 г.

Как быстро летит время! Даже и не верится, что прошло уже 18 лет после того, как я познакомился с Михаилом Александровичем, по-простому Мишей, Тарковским. Про него, как поэта и прозаика, я узнал из публикаций в журнале «Наш современник». Мне понравилось его творчество, его любовь к природе и к людям, его отношение к России. И наши взгляды на русскую литературу совпадали. Также меня очень заинтересовала его необычная жизненная история. Молодой человек, представляющий московскую элиту, внук выдающегося поэта Арсения Тарковского, племянник великого режиссёра Андрея Тарковского, окончив институт, получив профессию биолога, бросил Москву и поселился в далёком селе Бахта на берегу величественного Енисея в Красноярском крае. И стал работать охотником-промысловиком.

Согласитесь, редкая судьба, говорившая о цельности и смелости души и силе характера Михаила. В его ранних интервью, рассказывая о своих любимых писателях и поэтах, он упоминал и Николая Рубцова. Как я мог это пропустить? И написал в Бахту письмо, указав только имя и фамилию адресата. Оно дошло, и вот с 2002 года мы переписываемся, делюсь своими мыслями о жизни, о литературе. Миша рассказывал мне об охоте, о своей лесной избушке, о собаках и снегоходах, о строительстве дома и церквушки в Бахте. Храню его интереснейшие письма. В одном я высказал своё недовольство книгой Виктора Петровича Астафьева «Прокляты и убиты». И вот что ответил мне Миша Тарковский. Приведу отрывок из письма: *«... Решил продолжить про Виктора Петровича. Просто я его всем сердцем люблю, для меня это имя, то, что принято говорить священо, и я принимаю всё его, а то, что мне не нравится, раздражает – это погоды не делает, и не перевешивает всего остального. В его жестокости – великая любовь, потому что чистенькую и сытенькую мать и дурак полюбит, а когда она изранена, измучена – и ты всё знаешь – вот тут и есть большая любовь. Это право – его право, великого русского человека судить свой народ со всей строгостью и всей любовью. Просто иногда в нём трибун что ли, или журналист – всё неточно, неправильно, перевешивает художника, но на то он и русский художник, что не может в башне из слоновой кости сидеть. Меня он поддержал в одно время – поддержал главное морально, хорошими словами, это был праздник мой. Такие силы вдохнул. Я же сидел в Бахте, писал не зная кому, почему, писал, как писалось, еле-еле, правда, пробился в журналы, но всё равно какого-то душевного отклика не было и вдруг Виктор Петрович, которому я послал рассказ, говорит, что этот рассказ: «как глоток свежего воздуха». Потом много чего ещё было, и на встречи в Овсянке меня пригласили, и разговоров у меня с ним несколько было, и снова были драгоценные слова (дела тоже), и за эту окрылённость свою этими словами я ему благодарен и верен буду по гроб жизни, и когда при мне кто-то его ругает, никогда не молчу и готов биться до крови». И это его страстное письмо много мне*

сказало о характере и верности Миши Тарковского. Больше мы о Викторе Петровиче не говорили. В 2003 году в издательстве «Андреевский флаг» вышла книга Тарковского «Замороженное время». И всем стало понятно, что пришёл новый талантливый писатель, продолжатель великих имён в русской литературе: И. Бунина, М. Пришвина, В. Астафьева, В. Шукшина, В. Белова, Ф. Абрамова. К сожалению, наше эпистолярное общение закончилось где-то в 2010 году, так как в Бахте появился Интернет. А жаль! Что напишешь, что скажешь друг другу в коротких компьютерных заметках? Так, одни реплики, не более. Михаил Тарковский, работая охотником-промысловиком, заочно окончил Литературный институт. Начиная он, как поэт, но потом перешёл на прозу. За прошедшие годы увидели свет его книги: «Замороженное время», «Енисей, отпусти», «Тойота-Креста», «Поход», «Полёт совы». Красивые замечательные книги, настоящие произведения печатного искусства, изданы известным издателем, председателем фонда «Возрождение Тобольска» А. Г. Елфимовым: «Не в своей шкуре» и «Три урока». В Красноярске вышла книга «Живая верста» с бесподобными иллюстрациями художника-анималиста В. А. Горбатова. Книги Михаила Тарковского очень востребованы. Особенно в сегодняшнее непростое время, когда книжный рынок завален рыночным чтивом. В книгах сибирского писателя нет так надоевших интеллигентских всхлипываний на кухнях и копания в своих душах, нет людского существования в каких-то нереальных мирах. В них показана правдивая нелёгкая жизнь простого народа, которой живёт сам автор. У его книг много читателей не только в России, но и за рубежом. А я хочу вспомнить о повести Тарковского «Полёт совы», в которой говорится о сельском учителе и о проблемах нашего сегодняшнего образования, когда-то лучшего в мире. Книг на такую волнующую всех тему не существует. Это первая ласточка! Год тому назад в Кремле проходило собрание учителей России, где присутствовал и президент. И одна женщина, учительница из Воронежа, профессор – филолог, сказала: «Что мы здесь разводим пустые разговоры? Возьмите и прочтите книжку Михаила Тарковского «Полёт совы», там всё

сказано», и привела цитату из книги. Мало верю, что все учителя, присутствующие на встрече, знали об этом произведении, да и президент тоже, но то, что эта книга Михаила Тарковского была названа на этом кремлёвском симпозиуме, говорит о том, что темы, поднятые в повести, – это проблемы государственного значения. В 2019 году писатель стал лауреатом Патриаршей литературной премии за вклад в развитие отечественной литературы.

В 2007 году я отослал Мише в Бахту свой сборник о Николае Рубцове «Поэту посвящается». Через какое-то время Тарковский прислал мне письмо, в котором написал о поэте: *«После перерыва взялся читать Рубцова и... просто реветь начал с любого места любого стихотворения. «Я умру в Крещенские морозы...» Так бывает, когда знобит сердце ещё до песни – от самого звука гармонии.*

*Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...*

Что это всё? Один Господь Бог ведает, да русская дорога. Что такое Рубцов: мудрая грусть при всеобъемлющем чувстве родного? Пустырь за кочегаркой скажет... Да Феррапонтов монастырь... Ясно только, что Родина в нём настолько врождённа вся, что не требует побывания в том или другом её уголке. Не зря ему «Сибирь, как будто не Сибирь! Давно знакомый мир лучистый». Счастливо и закономерно, что в Сибири Николай Рубцов побывал именно на Алтае. Брат он Шукшину – как же мог не испытать из Катунин! Обогрело ли тебя Алтайское солнышко? Так хочется, чтобы обогрело... Не рубцуются на сердце эта судьба, от смерти матери в 42-ом до рокового 1971-ого. Сквозь всю неприкаянность бьёт Христовый свет и такая мудрость, что сам себе кажешься суетным и слабым в стремлении к жизнеустройству, к стяжанию сиюминутных благ мира сего. Свободно и ненатужноходишь в стихотворения Рубцова и бредёшь как по родному полю, то улыбаясь, то роняя слезу, и

всегда затаив дыхание. Идёшь, узнавая каждое деревце, стряхивая снег со знакомой ёлочки, кивая продрогшему путнику с котомкой. И так незаметно увлечёт тебя эта дорога в родимую даль, что, глядя по сторонам, ещё долго будешь дивиться, сколько здесь незамеченного тобой и не пережитого – пока не замрёшь на взгорке перед небесным просветом, пораженной красотой пройденного пути».

Давно хотел, чтобы Миша Тарковский посетил наш город. И случилось это только в январе 2015 года. Миша приехал в Сургут вместе с женой Татьяной, тоже литератором. Привёз для презентации вышедшую в Новосибирске свою книгу «Избранное», снабжённую диском с документальным фильмом о своей жизни в Бахте и о людях этого сибирского села. Где бы не проходили встречи с писателем: в Центральной библиотеке имени А. С. Пушкина, в педагогическом университете, в политехническом колледже, везде залы были полны. Он показывал свой удивительный фильм, легко и с юмором отвечал на все вопросы и был очень интересен в общении. Перед отъездом Тарковских мы узким кругом собрались на фуршет. Миша спросил гитару, и они с женой душевно пели песни на стихи Николая Рубцова.

Не знаю, увидимся мы ещё или нет, но связь мы не теряем, пишем друг другу по электронной почте, иногда разговариваем по телефону. Хочется пожелать Мише и Тане Тарковским сил и вдохновения, и всего самого хорошего и светлого!

Пётр Антонович Суханов

С творчеством сургутского поэта Петра Суханова я познакомился в 1986 году. Не помню, где я приобрёл сборник стихов этого автора под названием «Встреча», но хорошо помню чувство, которое тогда испытал. Стихи поразили меня своей пронзительностью, внутренней мощью и, что бывает редко, правдой жизни. Чувствовалось, что судьба поэта была непростой, пути-дороги были извилисты: он спотыкался и падал, но вновь поднимался и шел вперёд, становясь всё крепче духом. Было видно, что это большой русский поэт.

До 1995 года я жил в посёлке Кедровый, в городе бывал редко и никого из местных литераторов не знал. Потихоньку собирал свою библиотеку, что делать было нелегко, так как хорошие книги были в дефиците, занимался архивом по творчеству Николая Рубцова. И только после переезда из посёлка в город стал посещать Центральную библиотеку, бывать на литературных вечерах, встречаться с писательским обществом Сургута. К моему удивлению, в городе были люди, которые не только знали творчество Николая Рубцова, но

и проводили вечера, посвящённые памяти поэта. Так я обрёл своих соратников. А лично с Сухановым я познакомился в 1995 году на одном из литературных вечеров. Там мы и поговорили о творчестве Николая Рубцова. Оказалось, что Пётр был одним из тех, кто организовывал первый Рубцовский вечер в 1986 году в Новой Фёдоровке. Суханов считал Николая Рубцова одним из самых талантливых и пронзительных лириков России, посвятил ему несколько своих стихотворений. Позже он рассказывал мне, что, когда учился в Литературном институте в Москве, то даже одно время занимал ту же комнату в общежитии на улице Добролюбова, где в своё время жил и Рубцов. Нашему сближению, а потом и дружбе, способствовала не только любовь к поэзии Рубцова, хотя всё началось именно с этого, но и, вообще, отношение к русской литературе. Во многом были схожи и наши жизненные принципы, и, что важно, отношение к своей стране, к России. Пётр не терпел показухи и графоманства, говорил правду в глаза, а это многим не нравилось. Меня поражала его неистовая жажда жизни. Я всегда думал, что людей именно такой породы, Лев Гумилёв называл «пассионариями» — людьми бесстрашными, готовыми к подвигу, к поступку, к любому экстремальному случаю. Верилось, что именно такие сильные мужики вместе с Ермаком покорили Сибирь! Недаром он стал первым казачьим атаманом в Сургуте. Вспоминаю Петра Суханова в празднование его 50-летнего юбилея в Доме культуры «Строитель»: импозантного, в чёрном костюме с бабочкой. Тогда на его юбилей из Москвы приехали поэт Валерий Латынин и народный артист СССР Юрий Назаров. Уже в конце празднования Пётр попросил меня прочитать стихотворение Николая Рубцова о поэзии «Стихи из дома гонят нас...», а самую его концовку произнёс на весь зал сам:

*Вот так Поэзия, она
Звенит — её не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...*

Не буду перечислять книги Петра Суханова, считать его награды и звания, а их немало, я просто немного расскажу о последнем лете поэта. Вспоминаю, с какой нежностью он говорил о дочерях, с каким удивлением и умилением смотрел на маленького сына Антона, как любил и жалел бездомных собак и почему-то ненавидел кошек. Ценил юмор, балагурил, часто говорил экспромтами и в рифму. Любил людей. Любил жизнь во всех её проявлениях. В последнее его лето я бывал у него дома почти каждую неделю. Он сам частенько звонил и хрипловатым голосом спрашивал: «Серый, привет! Не женился ещё?» И, не дожидаясь ответа, продолжал: «Ну и правильно! Слушай шедевр!» И читал стихи. Людям, кто мало его знал, порой казалось, что в обыденной жизни Пётр слишком резок в обращении. Но это кажущаяся жёсткость была просто ширмой, ограждающей его ранимую душу от той среды, которую поэт знал не понаслышке. Кто понимал это, те принимали его любым. Страшный диагноз был ему известен, но Пётр никогда не говорил о болезни. В разговорах с его дочкой Снежаной мы недоумевали, понимает ли он всю серьёзность своего положения. Конечно, понимал, но принимал это по-мужски, без стонов и стенаний на судьбу. Я не слышал ни одной жалобы о том, что у него что-то болит. Только сетовал, что не может завести собаку, почему-то он этого хотел, и не может сходить на рыбалку. И даже в таком состоянии писал стихи! Писал до последнего, до того самого времени, пока были силы держать ручку. Меня поражала его самообладание! И вспоминались слова М. М. Пришвина о поэзии: *«Она рождается в простой, безобидной и не оскорбляемой части нашей души, о существовании которой многие люди и не подозревают...»*. Пётр отдавал мне листки с нечёткими уже строчками, дома я их перечитывал, а когда не мог разобрать почерк, то звонил ему, переспрашивал. Он чувствовал свой уход. Это было видно по тому, как высала его болезнь, по тому, как и что говорил, что писал в последнее время. Мы с Юрием Александровичем Дворяшиным были у Петра в десятых числах сентября. Провожая нас, поэт спросил профессора: «Юра! А ты придёшь ко мне на поминки?» А за неделю до этого, когда мы сидели с ним на кухне,

вдруг, сказал: «Слушай, а ведь я много прожил! Пушкин ушёл в 37 лет, Лермонтов в 26, Есенин в 30, Рубцов в 35, а мне, Серый, уже больше 60-ти!» Потом, помолчав, тихо добавил: «А ведь я мог и совсем не родиться!» Я с болью смотрел на него, и мне было понятно, что он прощается с жизнью. Этот один из последних наших разговоров помню так отчётливо, словно это было вчера.

Русский поэт Пётр Антонович Суханов родился 18 февраля 1947 года в городе Елгава Латвийской ССР, скончался 29 сентября 2008 года в Сургуте. В 2012 году в городе был учреждён праздник «День поэта», который ежегодно проходит 18 февраля в день рождения Петра Суханова. Раз в два года проводятся Сухановские чтения, на которые приглашаются известные российские прозаики и поэты. Выходят новые книги. На доме, где жил поэт, установлена памятная мемориальная доска. В конце 2020 года одной из библиотек города было присвоено имя Петра Суханова. Сургутяне помнят и чтут своего поэта!

А в июне 2020 года в городе появилась библиотека имени Николая Рубцова. Поэты как бы встретились в культурном пространстве Сургута.

Памяти Николая Рубцова

*Полумрак...
Холодный, мглистый
свет срывающихся звёзд
на прозрачный, вечный, чистый
опускается погост.
И под небом – запоздало
потрясая мир на миг,
раздаётся чуть устало
небывалый горький крик:
«Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?»*

... По Крещенскому морозу
унесли.

Что теперь слова и слёзы –
легче ли?!

Нам

в толпе большой прохожих
в тихой и тяжёлой мгле
невозможно быть похожим

На Рубцова

на земле!..

Так всегда – в беде ль, в удаче
жизнь

Судьбой предрешена...

Ветер, ветер, что ты скачешь
по стране, что холодна?

Пронесись по белу Свету,

Ветер!

Сбей с небес снега –
чтоб теплей спалось Поэту
под созвездьем Очага!

Петр Суханов

Николай Борисович Рачков

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
С Н. Б. Рачковым. 2016 г.

В сентябре 2006 года в Сургуте проходили Дни российской литературы. Давно город не видел такого количества известных поэтов и прозаиков. Во главе с главным редактором журнала «Наш современник» Ст. Куняевым приехали те, кто когда-либо печатался в этом издании: В. Личутин, Г. Иванов, А. Казинцев, Г. Попов, А. Кердан, Н. Денисов, В. Шемшученко, Н. Рачков, Т. Брыксина, Н. Лугинов, М. Вагатова и другие. Настоящий литературный десант. Такого не было со времён СССР, когда такие декады проводили постоянно. Встречи с читателями проходили на многих культурных площадках города. На многих я успел побывать, участвовать. Перед их отъездом был прощальный фуршет, стоит добавить, богатый. Проводился он в здании «ПРП «Тюменьэнерго». Присутствовал и Глава города Александр

Леонидович Сидоров. И там, в свободной обстановке, я как-то сблизился с поэтом Николаем Рачковым. Он от кого-то узнал про Рубцовский центр, спрашивал меня про наши дела. Говорил о своей любви к творчеству поэта Николая Рубцова. Я уже готовил свою книгу «Поэту посвящается» и попросил его прислать своё стихотворение о поэте. Через какое-то время получил по почте от Николая Борисовича книгу, в которой было стихотворение, посвящённое Рубцову. И я внес его в свой сборник. Когда наша книжка вышла, я отправил её Н. Рачкову вместе с книгой стихов Дмитрия Мизгулина. Вскоре пришёл ответ: *«Сергей! Какое огромное спасибо тебе за книги, которые ты прислал! Книга о Рубцове просто превосходна, она достойна памяти о нём, являясь как бы продолжением сборника «Воспоминания о Рубцове», который был выпущен в 1983 году в Архангельске, и куда вошли и письма, и воспоминания, и стихи друзей поэта. Ты проделал большую работу, но это от большой любви к большому поэту, иначе бы не получилось так основательно и художественно весомо. И здорово ты это придумал – высказываний о нём ярких личностей в нашей культуре. Такой сборник явится хорошим подспорьем в школах, в институтах, где изучается творчество Рубцова, да и просто любителям поэзии, им ведь тоже интересно знать, как относились или относятся к поэту Распутин или Свиридов, Белов или Селезнёв и т.д. Стихи о Рубцове, конечно же, разные по художественным достоинствам, но одно достоинство неоспоримо – все они идут от сердца, от понимания какого поэта мы потеряли. Многие, многие скажут тебе спасибо за эту книгу! Так что прими и мой поклон тебе за свой труд, за любовь к Рубцову, а значит и ко всей русской поэзии. Хороша книга Димы Мизгулина вкупе с блестящим фотографом Аркадием Елфимовым. Стихи подобраны в альбом достойные, да что говорить, такую книгу может позволить себе издать только банкир. Редкое издание. И слава Богу, что хоть не графоман какой явил миру такую роскошь, а настоящий поэт. Я его поздравляю. При случае, если увидишь, передай ему привет от меня. Такая книга – чудесный подарок людям. Всё лето был на даче под Сестрорецком с малыми внуками.*

Писал мало, но книга новая вроде бы потихоньку рождается, точнее – стихи складываются. Я всё больше к старости недоволен собой, а потому прячу написанное в долгий ящик, иногда возвращаясь к ним, что-то переделываю. Ведь не все стихи – стихи, и в этом-то вся тайна, Сергей. Удачи тебе, здоровья и счастья! Обнимаю. Н. Рачков. 20.09.07».

С этого времени и началась наша переписка, разговоры по телефону, рискну сказать, дружба, Николай Борисович присылал свои новые книги. У меня хранятся более десяти его писем. Уже давно мы просто ведём только телефонные разговоры, эпистолярный жанр как-то уходит в прошлое, у поэта нет компьютера. Как он говорит: «Живу в прошлых веках». Все эти годы я упрашивал его опять посетить Сургут. Передавал пожелания учителей Сургутского политехнического колледжа, что они с радостью его примут. Говорил, что его стихи знают, что студенты используют их в проекте «Три ратных поля России». Но он всё отделялся какими-то делами. Знаю по себе, что с годами становится всё труднее путешествовать. В марте 2014 года в наш город приехал выдающийся писатель, классик русской литературы Валентин Григорьевич Распутин. Потом мне Николай Рачков по телефону говорил, что при встрече в Москве на каком-то литературном форуме Распутин говорил ему и писателю Владимиру Крупину, чтобы они обязательно съездили в Сургут. Что там и есть настоящая Россия. Вскоре писатель Владимир Николаевич Крупин побывал у нас, а в феврале 2016 года решился приехать и поэт Николай Рачков. И он не пожалел об этом. По сей день Николай Борисович с теплом вспоминает Сургут, встречи со студентами, особенно в политехническом колледже, нашу Центральную библиотеку, общение с людьми. После отъезда он прислал мне большое письмо об этом. Привожу отрывочек: *«А ещё Сургут – город настоящей творческой интеллигенции, которая достойно держит вою духовную марку. Я был в восторге от Центральной библиотеки имени А. С. Пушкина – одной из самых великопленных в стране, и богатых по наполненности художественных и научных книг, о той духовной просветительской работе, которую ведут её специалисты. Я встречался с учениками и*

студентами города и был покорён не только их тягой к обширным знаниям русской классической и современной отечественной литературы, но и высокой приподнятостью, нравственным и патриотическим отношением к жизни, к Родине, к судьбе мира в целом». На днях разговаривал с Николаем Борисовичем по телефону, рассказал о том, что собираю материал для небольшой книжки к юбилею Николая Рубцова (3 января 2021 года), о том, что хочу поставить туда и заметку о нём. Он был не против.

Николаю Рубцову

*Не поднесёшь к глазам ладонь:
Кто нынче в гости?
Не прозвонит твоя гармонь
На сём погосте.*

*Лежишь на кладбище глухом,
Где так уныло.
Среди двух сосенок твой дом,
Твоя могила.*

*Кресты, кресты, кресты окрест
В сплошном порядке.
И мраморный тяжёлый крест
В твоей оградке.*

*Мы замерли, понутив взгляд,
Немой толпою.
И словно каждый виноват
Перед тобою.*

*Кого ведёт полей звезда,
Таких немного.
И участь нелегка, когда
Талант от Бога.*

*Познал, Отчизну возлюбя,
Ты в сердце муку...
«Россия, Русь! Храни себя...» -
От сына к внуку.*

*Нас победить ни боль, ни грусть
Уже не в силах!..
Вот на каких святая Русь
Стоит могилах.*

Николай Рачков

Владимир Вольфович Жириновский

В Малом зале Государственной думы в 2006 году прошёл вечер, посвященный 70-летию поэта Николая Рубцова. Спикер Госдумы Борис Грызлов сказал в своем выступлении, что этот вечер – важное событие для всех, кто отдает дань нашим поэтам. И также отметил, что Николая Рубцова сравнивали с Есениным, который прославлял нашу Родину, недаром тираж книг Рубцова на рубеже веков составил миллион экземпляров. Борис Грызлов сообщил, что скоро сойдет со стапелей корабль под названием «Николай Рубцов», который пополнит Северный флот, и предложил: «Давайте сегодня с удовольствием посмотрим премьеру фильма «Поэт Николай Рубцов», созданного Продюсерским центром Вологодской области к юбилею поэта. Фильм был показан. И после просмотра журналисты спрашивали у некоторых депутатов о поэзии Николая Рубцова, о фильме. Отвечали по-разному, многие просто казённо, лишь бы показаться знающими имя поэта. И только Владимир Вольфович Жириновский с удовольствием прочитал наизусть два стихотворения Рубцова. Я

не очень симпатизирую партии ЛДПР, но то, что её лидер знает наизусть стихи Рубцова, честно говоря, меня очень удивило. Я, конечно, отреагировал и послал Жириновскому на адрес Госдумы свою книгу «Поэту посвящается» и коротко рассказал о Рубцовском центре в Сургуте. И вскоре мне пришёл ответ на фирменном конверте «Правительственное».

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Хочу выразить Вам свою благодарность за Вашу книгу. Полученная от Вас книга достойно пополнит партийную библиотеку ЛДПР.

Благодарю Вас за доверие к позиции ЛДПР и активную патриотическую позицию, за Вашу заботу о судьбе и будущем России.

Желаю Вам, Вашим родным и близким успехов и крепкого здоровья!

С уважением и надеждой на сотрудничество!

С уважением В. В. Жириновский.

Ну, о доверии к партии ЛДПР я, конечно, не писал. Но, пусть будет так. Главное, что Владимир Вольфович знает и любит, как он говорил, поэзию Николая Рубцова. Станные эпистолярные знакомства происходят из-за творчества поэта.

Р.С. Борис Грызлов пообещал в своей речи, что скоро со стапелей сойдёт корабль «Николай Рубцов», который пополнит Северный флот. Но... обещать-то легко, а выполнить обещание сложно. Или это просто было сказано по случаю юбилея. Именем Рубцова назвали только небольшой торпедный катер. Ну, и это хорошо!

Рубцов. Москва. Виктор Иванович

А вот ещё какая странная история произошла со мной. Можно даже подумать, что я это выдумал. Но, честно говоря, это было на самом деле.

В январе 2001 года к 65 - летию Николая Рубцова в Сургуте вышел сборник, посвящённый памяти поэта. И летом, поехав в Вологду, я взял с собой несколько десятков книг. Я уже бывал в этом городе, но захотелось снова походить по её тихим улицам, полюбоваться старинными храмами, насладиться исконно русским духом, что ещё чувствуется там, на Вологодчине, и попробовать понять, откуда же черпал вдохновение замечательный русский поэт Николай Рубцов. Лететь надо было через Москву. Самолёт в столицу прибыл в полдень. Было жарко и душно. Как всегда, прилетевших пассажиров начали осаждать шоферы – частники, предлагая свою помощь. Одному, слишком нагловатому, который хватался прямо за мою сумку, я резко ответил. Послал, короче. Он отстал, а я пошёл к стоянке маршрутных такси, чтобы уехать на Ярославский вокзал, откуда был поезд на Вологду. Встал в очередь. И тут меня тронули за плечо: «Можно вас?» Я обернулся. Это был молодой человек, спортивного вида. Он пригласил меня отойти в сторону, я отошёл с ним, ничего не подозревая. И сразу к нам подошли ещё двое. Они оттеснили меня к какой-то будке и завели «интересный» разговор. Оказывается, я обидел их друга, который приставал ко мне в аэропорту, хватаясь за сумку. И за это мне придётся платить, ни много – ни мало, 200 долларов, (такса что ли такая была?). Сумма по тем временам приличная. От такого напора я опешил. Люди, с которыми я стоял на остановке, уже разъехались, милицию звать было смешно. Они меня не трогали, но держали в кольце и запугивали. Так продолжалось минут 20. В это время краем глаза я заметил, как из стоящего неподальёку джипа вышел мужчина в голубом спортивном костюме и направился к нам. Ему было лет 40, высокого роста, мощный такой. «В чём дело?» – спросил он. Парень ответил: «Иваныч! Вот послал Кольку на ... Пусть заплатит». Это был, наверное, их старшой. «Вы знаете, это Москва, – сказал он доброжелательно и даже с сочувствием, – жизнь такая

пошла. Вам лучше заплатить. Они не отстанут. Это же бандиты». Он прямо так и сказал. «А куда вы едете?» – вдруг спросил он. «В Вологду» – ответил я. Он как-то странно на меня посмотрел: «Живёте там или в гости?» Я, видя его заинтересованность, решил рассказать, что везу туда книжки о поэте Рубцове. Следующие слова меня просто поразили: «А в Тотье памятник есть Рубцову». Увидев моё удивление, он заулыбался: «Я сам из тех мест. Устюжну знаете?» И вздохнул: «Давно дома не был». Тем троим он махнул рукой, и они ушли. А у нас пошла странная беседа. Он мне сказал, что его дочь учится на филолога и знает стихи Рубцова, даже писала какую-то работу по его творчеству, так как сама родилась на Вологодчине. Он отрекомендовался Виктором Ивановичем и попросил показать книжку. Я достал сборник из сумки и показал ему. И он, чего я никак не ожидал, попросил меня подписать её. Чтобы быстрее всё это закончилось, написал на книжке: «Виктору Ивановичу с пожеланием добра и удачи». Новый знакомый поблагодарил и предложил подвезти меня на Ярославский вокзал. «Нет, нет! Я сам!» – поспешил я с ответом. Увидев мой, если честно сказать, – испуг, только улыбнулся и посоветовал быть осторожнее в дороге. Он знал, о чём говорил. И сказал, что если будут у меня опять проблемы в аэропорту, то могу найти его, назвав имя. Я уехал на Ярославский вокзал. С билетами проблем не было. Пока ехал, настроение было – слов не подобрать. Ругал я себя нещадно, что, предвкушая отдых, веду себя неосторожно, заговариваю с незнакомыми, что пожелал Виктору Ивановичу добра и удачи. В чём добра? В чём удачи? В делах его криминальных? Думал о несправедливости, о Боге, о судьбе. И представлял себе – вот два русских человека, земляка. Один – неброского вида, небольшого роста, лысоватый, – своими стихами прославил не только Вологду, но и всю Россию. Другой – красавец мужчина! Богатырь! И потрошит пассажиров в аэропорту. Не он, его свита, но всё равно. Странно, при этом знает о поэте Николае Рубцове. Вот и пойдешь, разберись – в чём тут причина. И вопросы меня тревожили разные: «Что происходит с нами, со страной, с

душами нашими? Что нас ждёт в будущем?». Странно устроена жизнь!

На вокзале в Вологде меня встречал Слава Белков – писатель, критик, руководитель Рубцовского центра города. Я рассказал ему об этой странной встрече. Он загорелся: «Слушай, напиши об этом!». Потом мы говорили о Викторе Ивановиче. Слава сказал, что не всё, значит, потеряно у него в душе, коль знает стихи Рубцова. Что дочку воспитывает в любви к русской литературе. Я подумал ещё, что он спортсмен бывший.

Потом, приезжая в Москву, я искал в аэропорту этого Виктора Ивановича. В первый раз сказали, что он отдыхает на юге. А во второй – посмотрели на меня и промолчали. Я подумал плохое! А жаль мужика!

Сборник стихов Николая Рубцова на немецком языке

В 2004 году в Германии вышла книга стихов Николая Рубцова на немецком и русском языках «Komm, Erde» (Зов земли). Через год в Москве в одной из библиотек столицы, где стараниями известной в литературном мире подвижницы Майи Андреевны Полётовой был создан музей поэта Николая Рубцова, прошла презентация этой книги. Стихи Рубцова были переведены с русского языка немецкими литераторами Раймондом Дитрихом и Хармутом Лёффелем. Хочу рассказать историю появления этой книги. Старший научный сотрудник Института мировой литературы, кандидат филологических наук, специалист по немецкой литературе XX века Тамара Викторовна Кудрявцева в ходе работы над очередной монографией на тему «Основные тенденции развития немецкой поэзии после 1989 года» задумала создать современную её антологию. С этой идеей она обратилась к немецким поэтам. Откликнулся поэт, учёный, музыковед Раймонд Дитрих, который сделал ей встречное предложение – осуществить антологию современной русской поэзии. И Тамара Викторовна согласилась, решив начать с поэзии Николая Рубцова, считая его признанным народным поэтом. Тамара Викторовна для пробы послала Дитриху стихотворение Рубцова «Букет». Присланный им перевод, выполненный метрическим стихом, оказался очень удачным. Со временем к этой работе был привлечён другой немецкий поэт Хармут Лёффель. Учитывая, что в Германии, да и во всей Европе классическое построение стиха давно отсутствует, пишут всё больше верлибром (даже стихи Сергея Есенина были переведены на немецкий способом верлибра), составители и редактор постарались максимально приблизиться к оригиналу, передать форму и содержание поэзии Николая Рубцова, сохраняя по возможности её метрику, ритмику, рифму, звукопись. И это получилось! Так «родилась» замечательная книга.

Я ещё не знал истории появления этого издания, о чём рассказал выше, но то, что подобная книга вышла, слышал.

Звонил руководителю Рубцовского центра в Москве Майе Андреевне Полётовой, но она сказала, что привезли на презентацию только с десяток книг и всё, и что будет с тиражом в Германии, она не знает. Ей сказали, что книги там дорогие, и они сами не знают, как пойдёт реализация. Всё же немцы – люди практичные. Конечно, как любой собиратель, я был бы рад иметь эту книгу в своём Рубцовском архиве. Но, не получалось. Однажды в разговоре с директором ЦБС города Надеждой Васильевной Жуковой сказал ей об этой книге. Прошло какое-то время, Надежда Васильевна, не забыв нашего разговора, пригласила меня к себе в кабинет и сказала, что на днях приезжает из Бонна Мирбах Ханс Бернд, директор крупной немецкой фирмы, которая участвовала в оснащении здания Центральной библиотеки. И предложила мне тоже поучаствовать в этой встрече. Я пришёл, познакомился с ним и его переводчицей, попили кофе и в беседе Надежда Васильевна рассказала гостю о моём увлечении и о книге стихов Николая Рубцова, что вышла в Германии, и которую невозможно достать в России. Ханс Мирбах что-то записал в блокнотик. И я, честно говоря, потом забыл об этой встрече. Через какое-то время Надежда Васильевна сказала, что вновь приехал Мирбах и привёз с собой книги, о которых мы говорили во время первой встречи. И немецкий гость вручил нам две книги, купленные им в Германии. Издание прилично сделано, в суперобложке, на хорошей бумаге. Мы сердечно благодарны Мирбаху за то, что он не забыл о разговоре в библиотеке Сургута. И, хотя у него, как у любого бизнесмена, всегда мало времени, нашёл в Германии место, где книжку продают, купил и привёз в Сургут. Не каждый человек так бы сделал, не каждый. Думаю, что это от большого уважения к Надежде Васильевне.

В жизни бывает всякое. Бывает так, о чём думаешь, исполняется. Что это? Случай? Французский писатель Жан Кокто писал на эту тему: *«Случай – это обличье, которое принимает Бог, чтобы остаться инкогнито»*. То есть во всех случаях есть божья воля. О чём это я? Просто случай – это подготовленная всем твоим служением какому-нибудь делу, реализованная мечта. Как получилось с книгой из Германии.

Через несколько лет в письме к писателю Василию Ивановичу Белову я рассказал об этой книге. Он уже тогда был болен. Писем уже не писал. Я иногда звонил ему. Трубку брала жена Ольга Сергеевна, передавала ему мои слова. И вдруг, неожиданно, приходит бандероль с книжкой Белова, посланная, я так понял, супругой. А в книге маленький листок бумаги со странной надписью Василия Ивановича: *«Дорогой Сергей! Ответь мне, как вести себя с немцем. Если разрешишь, то я пошлю ему свои пьесы. В. Белов»*. Написано с ошибками, почерк неровный. Мне стало очень жалко писателя. Думаю, что он вспомнил мой рассказ о книге стихов Рубцова на немецком языке и подумал, что я хорошо знаю того человека, который привёз её из Германии. Я не ответил на это послание. Что я мог сказать? А записку эту я берегу.

P.S. В начале этой заметки я вспоминаю о Майе Андреевне Полётовой – создателе и руководителе Рубцовского центра в Москве в Центральной библиотеке Юго-Западного района, настоящей подвижнице. К большому сожалению, этого музея уже не существует. Помещение библиотеки было в аренде, и чиновники от культуры сделали всё, чтобы забрать это здание. Журналист Алексей Топоров писал: *«... Письмо в защиту музея на имя столичного градоначальника уже писал цвет русской интеллигенции, под ним стоят подписи Ганичева и Лоцица, Крупина и Проханова, Куняева и Личутина, и многих других. Рубцовские чтения проходили даже в стенах Госдумы, где о ситуации с музеем рассказывалось народным избранникам и сенаторам, лидерам политических фракций, но парадоксальным образом ничего не изменилось. Удивительная у нас страна – шубой барского плеча раздаются гражданам зарубежным лицедеям и вышедшим в тираж забугорным спортсменам, а память певца русской души остается в забвении. Как понять это? Разве Депадьё и Сигал, Монсон и Джонс могут так чувствовать, и у них получится ТАК передать суть и величие Руси?»*

А в Сургуте открыли Рубцовский зал, а библиотеке, где это случилось, присвоили имя поэта Николая Рубцова. Пишу это как упрёк столичным чиновникам от культуры.

СЛОВО О ПОЭТЕ

А. Джентл

Странная штука поэзия! Как верно она предвещает нам пути Господни. В крещенские морозы ты – то ли в шутку, то ли всерьез, собрался в безвозвратный путь. А руки твоей возлюбленной, твоей подруги жизни, как бы не хотели тебя отпустить: схватили они тебя мертвой хваткой. Её руки – не руки – глупо застыли на тебе, заснувшем. Мне Ольга, наша Фокина, время спустя, что-то неохотно объяснила, а глаза её были полны состраданием. Не знаю, какой был вид у твоей возлюбленной тогда, в тот жуткий час, но я знаю наш вид при вести об ужасе: мы все застыли с глупым видом. Милый Коля, не сердись, что никого из нас не было тогда с тобою рядом. И дружба здесь бессильна. Никто тебя в тот миг не защитил, Россия сама не могла тебя защитить: она была занята, занята премиями. А тебе от лавров было жутко больно... Мы, твои друзья, состарились с тех пор. Лишь ты остался молодым, как Пушкин, как Лермонтов, – Рубцов. И каждый раз, когда наступают крещенские морозы, кто-то тихо в храме молится о тебе. Это Русь, та самая старая женщина – Русь, которая никак не может быть делимой даже в бедствии и несчастии.

Ю. Балуевский

Всё же что-то в моей душе перевернуло это знакомство с поэзией и жизнью, считаю, великого поэта сегодняшнего времени. То, что писалось Николаем Михайловичем Рубцовым, созвучно и актуально сегодня. И то, как он передал своё восприятие боли той жизни, которая была, будем так говорить, не столь для него прекрасной. Вот это, наверное, и всколыхнуло мою душу.

А. Бобров

ПЛЫВУЩИМ К РУБЦОВУ

В. Кортаеву, А. Романову, В. Устинову

*Я так сегодня быть хотел бы с вами,
Плывущие по Сухоне друзья,
Где облака белеют над лесами,
За вашим пароходиком скользя.*

*Где сумерки, как синяя редина,
Висят над упокоенной рекой,
Лишь рано покрасневшая рябина
Тревожно вспыхнет Колиной строкой.
И вы опять о нём заговорите –
Как далеко слышать вас в тишине! –
Конечно, о Рубцове... Кто ж в обиде,
Что всё о нём – совсем не обо мне.
Достанут ели острыми тенями
От берега до палубы стальной,
Его стихи всегда соединяли
Друг с другом нас
И были со стариной.
Известье о гостях несёт сорока
Не мне в Москву. Но сетовать нельзя -
Сегодня мне светло и одиноко:
По Сухоне плывут мои друзья...*

Н. Бурляев

Николай Рубцов является талантливым продолжателем истинных традиций русской поэзии, поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина. Его судьба была очень драматична, как и характерно для русских поэтов: никому из них легко не было. Убили Пушкина, травили и убили Лермонтова, вот и Рубцов – вроде был среди своих, но как чужой. Хотя ему, конечно, очень повезло с тем, что в период его учебы в литинституте там собралась целая плеяда замечательных наших писателей, таких как Василий Белов, Астафьев, Распутин. Как же нам недостает такого поэта, как Николай Рубцов, сегодня!..

В. Ганичев

Нет сомнения, что Рубцов явление уникальное. Мы были свидетелями, наше поколение было свидетелем величайшего события, когда на наших глазах вырос, появился, расцвёл и стал, безусловно, великим - поэт. Рубцов появился на наших глазах.

ОН ПРИШЁЛ К НАМ, КАК БОЖИЙ ДАР!..

... В Рубцове мы просто узнали всё то самое лучшее, самое светлое, самое сокровенное, что всегда было и всегда будет в нас - в вологжаных и москвичах, в питерцах и орловчанах, в каждом русском человеке. Наша боль и печаль, наша тихая, наша вечно негромкая радость, сама наша русская жизнь вдруг словно бы стали теми живыми нитями, из которых сотканы **ДРАГОЦЕННЫЕ СТРОКИ РУБЦОВСКИХ СТИХОВ**.

И даже в последние десятилетия, когда, кажется, кроме Марининой и Донцовой люди уже ничего читать не хотят, книги Николая Рубцова разошлись по домашним библиотекам более, чем миллионным тиражом! Без подсказок с телевизора, в полной тишине тиражи тихих рубцовских строк превосходили тиражи самых раскрученных мастеров детектива, чернухи, порнухи и всякого прочего массового чтива.

А. Грунтовский

На первый взгляд может показаться, что поэтический инструментарий Николая Рубцова очень слаб. Это, наверное, единственный поэт, который не пользуется метафорой. Рубцов пользуется очень простыми рифмами и очень простыми ритмами. Его инструментарий настолько беден, как он беден в архаичном фольклоре. Потому что, скажем, сказителю былин или автору духовных стихов этого тоже ничего не надо. Он общается напрямую с Богом, как в «Полку Игореве». Где там гипербола или метафора? Но образы сильнее! «О, Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!» А у Рубцова: «Взбегу на холм и упаду в траву!» Всё!

С. Гуртуев

Сейчас много пишут о нём, издаются его книги. Не обласканный при жизни, как это всегда у нас бывает, современники его и соплеменники, как бы стараясь вернуть ему недоданное, говорят так много, что иногда задумываешься: а зачем какие-то черты его характера, как будто нарочно подчеркнутые, нужны мне, да и читателю. Никогда бы никто не

подумал, что Рубцов бывал задирист, колок, ершист при определённых обстоятельствах.

Он Поэт. Вот и всё... Мне думается, надо подчеркнуто говорить именно об этом. На Кавказе имя настоящего поэта, скажем уровня Рубцова, сакрально. Таким я и старался представить нашим читателям его...

Так вот, работа комиссии продолжалась два дня. Нас всех приняли в члены Союза писателей СССР. На второй день состоялся вечер поэзии в Центральном Доме литераторов, где выступали молодые члены Союза. Программа этого вечера, где были все фамилии новых членов Союза писателей, в том числе и Рубцова, я храню до сих пор, ибо это было и моё первое такое крупное выступление.

Д. Кан

*«...В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.»*

Не потому ли так сложно говорить об авторе этих гениальных строк, что музыка его поэзии подвластна постижению скорее, как музыка, нежели как словесность? Автор этих строк любил исполнять свои стихи под музыку, аккомпанируя себе на гармошке. Но если вслушаться в его поэзию, глубинно народную, то услышишь поистине космическую симфонию России и изумишься тому, что этот космизм поэт умеет «вселить» в самые обыкновенные, казалось бы, вещи – горницу, рощу, речку, село, в обычных людей, о которых писал... Он прожил жизнь сколь короткую, столь же яркую. Жизнь земного советского человека. Но при этом – жизнь избранника небес. Он был из той редкой категории поэтов-пророков, к которой принадлежали Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин... Он предрёк свою трагическую гибель в январе и – навсегда остался любовью и болью нашего народа, поющего песни на его стихи, частенько позиционируя его авторские стихи как народные. Об этом любой поэт может только мечтать, а ему это было подарено свыше. Он ушёл и оставил нам загадку, которую мы не можем отгадать доселе. Почему, читая его с виду такие простые стихи, даже те, кто

не замечен в избыточной лиричности, начинают плакать и сами не могут объяснить – почему? Он преподавал нам великий урок, что Россия, Русь – это не только гармошка и залившая частушка. Россия – это небесная симфония, которой пронизан весь русский сельский быт, столь похожий, если глянуть на этот быт глазами поэта – на бытие. Его слова «Россия, Русь, храни себя, храни!» – есть завешание и завет всем нам, данный накануне грозных испытаний, попущенных России свыше. Он объединяет всех нас, таких разных и таких равных перед лицом его животворящего слова – детишек и пенсионеров, верующих и атеистов, мужчин и женщин, горожан и сельчан, северян и южан. Он великий фактор нашего осознания себя единым нерасторжимым целым в то время, когда это осознание особенно нужно России.

Имя ему – Рубцов!

Г. Красников

Истинность и значимость поэзии Николая Рубцова именно в единстве с национальной культурой, которая дает художнику широту и глубину взгляда на современность и тем самым включает его творчество в контекст отечественной истории. В этом смысле стихи Рубцова явление для XX века действительно неожиданное и уникальное. В русской литературе имя Рубцова занимает особое место еще и потому, что можно говорить о своеобразии исторического взгляда поэта, о панорамности (как у автора «Слова о полку Игореве») его зрения. Обратимся ли мы к его классическим стихам:

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...*

В. Латынин

С. Хомутову и В. Полушину

*Помнится всё чаще из былого,
Из литинститутской кутерьмы
Комната, обжитая Рубцовым,
Где потом отметились и мы.*

*Там когда-то в обществе портретов
Классиков, сошедших» со стены,
Черти надоумили поэта
Утопить тоску свою в «Лыхны».*

*У начальства – шок и возмущенье:
«Надо ж так по-чёрному запить!»
А в глазах собратьев – восхищенье:
«Лишь поэт так может учудить!»*

*С той поры как будто освятили
Этот поэтический приют.
Мы всегда на сессиях спешили
Поселиться непременно тут.*

*Комната ничем не выделялась –
Три кровати, стол, окно во двор...
Только муза часто в ней являлась,
Поощряя творчески задор.*

*И когда, стихи друзьям читая,
Каждый вдохновением горел,
То незримый образ Николая
В души нам взыскующе смотрел.*

В. Лихонос **ДУША ХРАНИТ**

Как печально, что о поэте, которого любишь, не можешь написать поподробней, потому что видел его всего два раза, да и то не подолгу.

Я несколько раз тосковал по его сборничку, который он мне подарил в Вологде, принимался искать его в своих шкафах и уже согласился, что его кто-то присвоил. Но всё-таки порою надеялся его найти.

В канун его восьмидесятилетия, 2 января, решил посмотреть на полках особо уставленные в дальние ряды стоп-

ки узеньких маленьких томиков. Долго не трогал, уж и позабыл, какие там сокровища...

Пушкин (1948 года, Автобиография, критика, история, на чистой странице автопортрет Б. Скобельцына, он мне и подарил это издание во Пскове 23 июня 1971 года).

К. Р. «Времена года».

В. Белов «Рассказы о всякой живности» («Насте... от меня», 1978 год).

Анри Труайя «Пока стоит земля» (на французском, с дарственной надписью. 1975 год, Париж).

А. Н. Апухтин, 1959 год, Орёл.

Ю. Казаков «Во сне ты горько плакал», 1987.

Ги де Мопассан «Милый друг» (на французском, Париж, 1905, купил в Москве на улице Качалова).

Нидзе «Непрощеная повесть», XIII век пер. с японского.

И.. и.. Коленька! Чудо вологодское. Это ты?! Наконец-то. Слава Богу.

Как будто живого застал.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ — «ДУША ХРАНИТ». Северо-Западное книжное издательство, 1969 год. «Виктору Лихоносу, без лишних слов, на добрую память о встрече в Вологде. С любовью. Н. Рубцов. 3 апреля 70 г.»!

И развернулась 33-я страница...

«Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...

Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!...»

О-о-о, тотчас вспомнилось мне: это Рубцов пел у Астафьева поздно вечером, после ужина за старательно богатым столом, Коля появился к концу, и мы расположились кучкой в маленькой комнате, вологодцы приготовили астафьевским гостям музыкальное угощение, выманили Колю с улицы, у кого-то на один вечер отняли гармонь, сперва читали стихи Романов, Коротаев, повеселился с гармонью Белов, и наконец уговорили Рубцова «спеть про журавлей»:

«И разбудят меня, позовут журавлиные крики

Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...»

Это был вечер сиротливого русского счастья.

А. Локтев

– Его стихи читаешь с ощущением, что сам их написал. Это ты. Это часть тебя, как ты часть своего народа. В Рубцове была благодать и неважно, как он жил. БОЛЬШОЙ ТАЛАНТ И БОЛЬШИЕ ИСПЫТАНИЯ БЫЛИ ДАНЫ ЕМУ. И он это понимал. Двадцать восемь лет прошло с момента его смерти и обвинять никого не надо. Надо знать одно: то, что дает свет, – очищает. Как его стихи. А то, что развращает, – не искусство, не стихи.

– Кто виноват? – по-прежнему горестно недоумевают многие вологжане. Никто не виноват, так чувствуете сейчас вы. Дело не в вине конкретной убийцы, а в не уходящем вопросе: почему? Почему погиб поэт?

– Знаете, десять лет я работал в Ленинграде, в знаменитой Александринке. Однажды позвали в университет, на вечер памяти Рубцова, предложили почитать и поговорить с этой дамой. Нет, не могу. Будь она хоть королева неандертальская, ЖИЗНЬ ОТНИМАТЬ НЕ ДАНО НИКОМУ. Дали ее воспоминания в рукописи. Не без усилия начал читать. У нее все время: я, я, я... Показалось, что у Рубцова все от Бога, а у нее все – от безмерной гордыни. Свои стихи приводит. С рубцовскими – небо и земля. Читая их, я понял, все – сплошная ложь. И еще я понял, почему она убила Рубцова: завидовала и ревновала. Убить этот будоражащий талант было для нее единственным выходом.

А. Нестругин

Рубцов – это тихий, но так ясно слышимый голос непарадной, глубинной, корневой России, её народный поэт. Творческое наследие его невелико, но оно поистине «томов премногих тяжелей». Я даже думаю, что, если бы Николай Рубцов написал только два стихотворения – «Тихая моя родина» и «Звезда полей» – он все равно остался бы в русской поэзии, блистательно продолжив «книгу Тютчева и Фета». Будучи поэтом подлинным, Рубцов указал дорогу и поэтам моего поколения – «Топ да топ от кустика до кустика / через город Тотьму и леса». Дорогу, где нельзя «срезать угол»,

«подъехать на попутке»: через хлябь, через глушь, мимо обезлюдевших хуторов и деревень – к своей Родине. В поэзии, сказал он нам, нет окольных путей, все они – через Ни-колу, Устюг, Вологду, которые у каждого свои, – ведут к ней, к России. А без Родины, без кровной, жгучей и смертной связи с ней, настоящей поэзии нет.

В. Позгалёв

Как-то ехал я в машине поздно ночью. Вокруг была заснеженная равнина, всё небо было в звёздах, и вдали мелькали огоньки вологодских деревень. В машине звучала песня на стихи Николая Рубцова «В этой деревне огни не погашены» в исполнении Татьяны Петровой. И настолько это было естественно, настолько очевидно, настолько точно отражало то, что видел я и чувствовал, что я поразился такому точному восприятию поэтом окружающего мира! Есенин – великий поэт, но вот он какой-то для меня чужой. Он смотрит на мир через призму того времени, и, наверное, он был тогда точен. А вот Рубцов – мой современник, живёт с нами, живёт в наше время, поэтому так легко воспринимается. Я не специалист в области поэзии, поэтому чувствую и принимаю талант Рубцова не столько умом, сколько сердцем.

Т. Пулатов

Из воспоминаний о Николае Рубцове:

«... Как люди, которых уже не веселит выпитое, а только ещё больше вводит в тоску, чувствующие чужими на празднике иностранной жизни, мы предавались воспоминаниям о прекрасной, взбалмошной студенческой поре, и оказалось, что мы с Кузнецовым в конце 60-х даже жили в одном общежитии «поэтов и киношников» на улице Руставели в Москве. И когда я медленным, полусонным голосом стал вспоминать трагикомическую историю соседа по этажу Николая Рубцова, как мы сообща собирали его во Дворец бракосочетаний, когда Рубцов надумал жениться и остаться в Москве, с Кузнецова будто хмель слетел, и он сел на кровать: – Расскажи... Этого эпизода из его биографии я не знал... Кто-то на время дал Рубцову-жениху сорочку, кто-то натянул

не его худые плечи пиджак, я же презентовал ему галстук, который никогда не носил и не умел завязывать. Такси уже протяжно сигналоило вниз, и сокурсники Николая затолкали его, смущённого и растерянного, в лифт. К вечеру в жестяных чайниках сварили пельмени, картошки, сложились на портвейн «777» и стали ждать возвращения новобрачных. Явился лишь один Передреев навеселе и принялся хохотать. В чём дело?.. Оказывается, когда такси подкатило к загсу, Рубцов, всю дорогу молчавший, вдруг высадил из машины свидетелей, а сам дал команду таксисту – ударить по газам – и на вокзал...

– Не вынесла душа поэта житейской суеты, бросил Москву и плачущую невесту – и на родину! – рассказал несостоявшийся свидетель регистрации Передреев.

Кузнецов долго молчал, а потом произнёс: Такими поэтами, как Рубцов, двигают не обстоятельства, а судьба... – И продекламировал глуховатым голосом: – «Слухи были глупы и резки: кто такой, мол, Есенин Серёга... сам суди: удавился с тоски, потому что он пьянствовал много... Да, недолго глядел он на Русь голубыми глазами поэта, но была ли кабацкая грусть?.. Грусть, конечно, была, да не эта!»

Вот так – заключил Кузнецов, – Рубцов, как и Есенин, чувствовал зов судьбы. Потому и не остался в Москве, не слыша в каменных джунглях звуков своей малой родины. И уехал, чтобы встретить смерть от другой женщины...

Е. Семичев

ВЕЩЬИ ГАМАЮН...

...Вот кто такой Рубцов для русской поэзии и русского национального самосознания! Для забывчивых поясню, что Гамаюн – птица, которую мы можем увидеть на старинных резных наличниках русской глубинки. Птица, оберегающая от зла и приносящая счастье добрым людям. Тем людям, которые порой вопрошают небо о счастье – где оно? Им (нам!) отвечает Рубцов своей пронзительной строкой: «Это на том берегу...». Кто помнит это стихотворение, лирический герой ищет могилы предков, приехав на малую родину после долгой разлуки. Ищет и – не может найти! Спрашивает жителей,

и они отвечают: «это на том берегу». Вот так и наша истинная Родина – НА ТОМ БЕРЕГУ, а мы пока, к сожалению, на этом берегу, потому что забыли своих предков, их мудрость и заповеди, и не можем пока их найти и к ним перебраться через бурную реку повседневности. Светлый, душевный, лирический Рубцов. Но он же и – пророк! Как всякий природный, по небесному соизволению – поэт. Пророческих строк у Рубцова не счесть, что ставит его в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым. Надо просто уметь его читать. Впрочем, поэзия Рубцова уже сама вправе выбирать, кому ей нравится, а кому нет.

В. Сергеев

... Недели не видел России – мне скучно. Родина – превыше всего. Эскизы к портрету Рубцова. Он приехал к нам в деревню. И говорит мне, прощаясь: «Надо уезжать». Чувствительный он был. Взгляд пронзительный. У Николая Рубцова в стихах – чувства. Многие пишут, хорошо пишут, а всё же выжимают из себя. Он сердцем писал. Долгожданный поэт! Такого открытого, гармоничного не было. Здорово, что я с ним встретился. Полторы недели прожили вместе в деревушке Оденёво. Он мне понятен, близок по детскому дому. Побывал на его родине. Потянуло так, что пехом шли 25 километров...

В. Смирнов

Вот говорят, что у него не было настоящего образования, воспитания, не было университета. Всё это чепуха! А служба на эсминце на Северном флоте это не университет? А годы в детдоме в военное время – это не университет? Какая сила переживаний, тоски, того, что дано поэту, чтобы он почувствовал Родину, или то, что называется пейзажем вот этой северной Руси, и не только северной! Через такое, знаете, мощное страдальческое начало. Причём, не кокетливое – скромное. Или говорят, что он какой-то уж очень простой. Это не совсем простота. Это также и Пушкин – простой! Он бездонен в своём содержании, Пушкин! Вот эта прозрачность – это тоже всё очень сложно. То же самое и Рубцов! У

него же есть просто грандиозные по драматизму вещи! Я не буду сейчас их называть. Я вот очень люблю «Бродягу». Такую какую-то странную вещь о неприютности русского человека. Ему как-то стыдно жить хорошо. Я под русскими не подразумеваю расовый состав крови. Я имею в виду определённую полноту чувств, определённое осознание мира, пространства, времени. И, конечно, поэты после помешательства всемирности всякой, известной космополитичности, вернулись к русскости. Причём, что главное, не впад при этом в провинциализм и духовный, и интеллектуальный, и чисто художественный, когда обращение к корням, к почве приводит к какому-то этнографическому провинциализму. Всё у них, как и у их великих предшественников. А кто их предшественники? Это Тютчев, Блок... Почему считается, что если он крестьянский, то что он – лаптем стучит? Да, это скромный человек, иногда и в сапогах. Как и Шукшин в своей прозе – наследник великой русской новеллистики 20 века. Потому что дать в маленьком объёме эту бездну пространства, как говорил Гоголь, в настоящем поэтическом слове, а в слове Пушкина – бездна пространства. Вот это есть и у Рубцова! Отсюда особая мелодичность, отсюда внешняя и внутренняя музыкальность, отсюда, при кажущейся элементарной простоте, сквозит огромная сложность того, что представляет собой русский человек на дороге «от дома к реке», «от парома в гору, где лежат развалины собора», как это было у Рубцова. И на высокой дороге от жизни до смерти, иногда до славы.

Е. Соколов

Сварили на костре уху. Была прекрасная белая ночь. Мы все сидели вокруг костра. У местного жителя, деда Кирсана, взяли гармошку, и Николай Рубцов играл на ней и пел свои песни: про морошку, про деревню... Вдохновенно читал свои стихи. Был в центре внимания. В разговор с Николаем я вступал редко, больше наблюдал за ним. Я почувствовал в нём родственную душу: жизнь в детдоме наложила свой отпечаток на каждого из нас. С творчеством Рубцова я был знаком и раньше, а тут, у костра, увидел в этом человеке

слиток таланта и почувствовал искреннюю любовь его к российской земле.

В эту ночь у меня и возникла мысль написать портрет поэта Рубцова.

Для создания портрета я использовал опыт Дионисия, расписавшего пигментными красками Храм Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре. Пигментные камушки разных оттенков встречаются в большом количестве только вблизи Ферапонтова. Я насобирали их на берегу Бородавского озера и по дорогам близ Ферапонтова более трёхсот оттенков. Чтобы пользоваться пигментами, надо камушки растереть курантами (это специальные твёрдые камни с одной отполированной поверхностью) с водой на гранитной гладкой плите. В итоге получается тесто. Далее в него добавляется в определённых пропорциях яичный желток, пиво (или сухое вино) и антисептик.

Писал не на холсте, а на паволоке. Это холст, приклеенный на твёрдую основу и загрунтованный. Как в иконописи.

Пятнадцать лет портрет был не востребован, находился у меня в мастерской. Только к 70-летию юбилею поэта Департамент культуры Вологды приобрёл этот портрет.

Его возили в Москву на торжественный концерт, посвящённый Николаю Рубцову.

Сейчас портрет находится в Вологодской картинной галерее.

М. Ульянов

...На Руси то там, то здесь рождаются люди, которые в силу Богом данного таланта становятся защитниками всего русского, только этими правдолюбцами, чувствующими душу русского народа, и держится Русь. И не только чувствующими, но и очищающими то, что замусорено борзыми, крикливыми, судорожно старающимися успеть раньше других выскочить на авансцену жизни. Николай Рубцов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Валерий Гаврилин – все эти пронзительные певцы земли русской, скромные и несуетные. У них есть что сказать о своём путанном народе, у них болит душа и сердце, а не глотка и язык.

ПРИМЕЧАНИЕ К РАЗДЕЛУ «СЛОВО О ПОЭТЕ»

Анджело Де Дженти – кинорежиссёр, продюсер. Италия.

Балуевский Юрий Николаевич – генерал армии. Москва.

Бобров Александр Александрович – поэт, прозаик. Москва.

Бурляев Николай Петрович – актёр, кинорежиссёр. Народный артист РФ. Москва.

Ганичев Валерий Николаевич (1933 – 2018) – советский и российский писатель, журналист, общественный деятель. Москва.

Грунтовский Андрей Вадимович – поэт, литературовед. Санкт-Петербург.

Гуртуев Салих Султанбекович (1938 – 2020) – балкарский поэт. Нальчик.

Кан Диана Елисеевна – поэт. Новокуйбышевск, Самарская область.

Красников Геннадий Николаевич – поэт, публицист. Москва.

Латынин Валерий Анатольевич – поэт, прозаик. Москва.

Лихоносов Виктор Иванович – советский и российский писатель. Краснодар.

Локтев Алексей Васильевич (1939 – 2006) – заслуженный артист России. Москва.

Нестругин Александр Гаврилович – поэт. Воронеж.

Позгалёв Вячеслав Евгеньевич – экс-губернатор Вологодской области.

Пулатов Тимур Исакович – прозаик. Москва.

Семичев Евгений Николаевич – поэт. Новокуйбышевск, Самарская область.

Сергеев Владислав Александрович – заслуженный художник РСФСР. Череповец, Вологодская область.

Смирнов Владимир Павлович – критик, профессор Литературного института. Москва.

Соколов Евгений Александрович – заслуженный художник России. Вологда.

Ульянов Михаил Александрович (1927 – 2007) – народный артист СССР. Москва.

**ДОКУМЕНТЫ
АВТОГРАФЫ**

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ГОРОДСКОЙ ОКРУГ ГОРОД СУРГУТ
ХАНТЫ-МАНСКИЙ АУТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

№ 10 от 06.02.2020

В.Н. Шувазов

О присвоении наименования библиотеке

В соответствии с распоряжениями Администрации города от 30.12.2005 № 3686 «Об утверждении Регламента Администрации города», от 13.05.2013 № 1619 «О городской комиссии по топонимике», на основании решения городской комиссии по топонимике (протокол от 05.03.2020 № 81):

1. Присвоить структурному подразделению муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» библиотеке № 21 имя Николая Михайловича Рубцова.
2. Управлению массовых коммуникаций разместить настоящее распоряжение на официальном портале Администрации города: www.admsurgut.ru.
3. Муниципальному казенному учреждению «Наш город» опубликовать настоящее распоряжение в газете «Сургутские ведомости».
4. Настоящее распоряжение вступает в силу с момента его издания.
5. Контроль за исполнением распоряжения возложить на заместителя Главы города, курирующего социальную сферу.

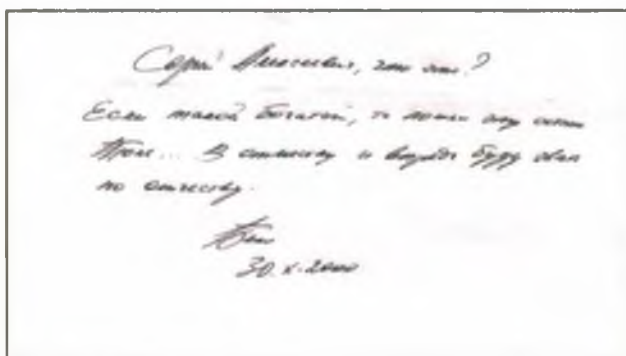
Глава города

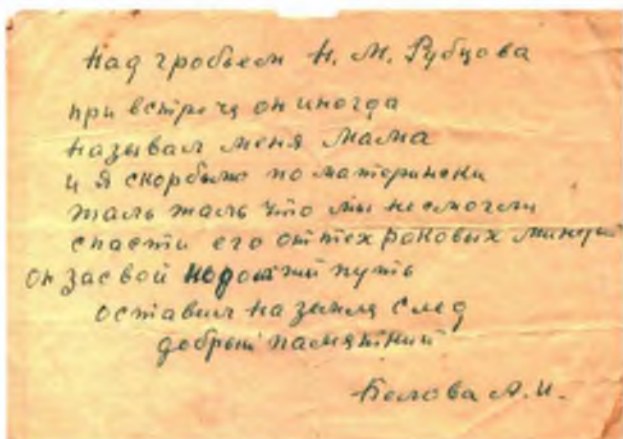
В.Н. Шувазов

В.Н. Шувазов

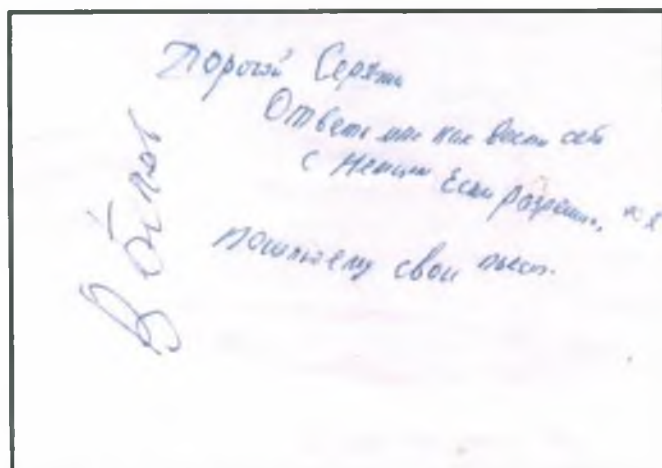
Сургут. Распоряжение Администрации города о присвоении библиотеке № 21 имени поэта Николая Рубцова. 2020 г.

Письмо от В.И. Белова.

Записка от матери В. И. Белова Анфисы Ивановны на смерть Николая Рубцова.

Москва

18 января 2004.

Уважаемый Сергей Александрович!

Раз Вы Вамину согласившему звонку по телефону. Мне давно не было в Москве и потому Вы не могли позвонить. Сейчас пока у меня много компьютерной и наглядной работы. Поэтому не было возможности срочно ознакомиться с материалами исследования. Надеюсь, что в дальнейшем такая возможность появится.

Как условимся, помяну Вас два коротких сжатия-сжатия на рубцовидной фактуре. Они не публиковались и написаны в 2002-2003 году. Два других сжатия-сжатия, где упоминается Николай Михайлович, как Вы, наверное, знаете были опубликованы.

Еще раз поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего самого доброго Вам и Вашей семье. Привет и наилучшие пожелания всем любителям поэзии Сергея!

Ваш А. Лукьянов

Письмо от А.И. Лукьянова

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
2000-2003**

* 5 * август 2002 г.

№ 108

678405, Тюменская обл., г.
Сургут, ул. Геологическая,
д.18, кв.57.

С.А. ЛАТЕРЕВУ

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Мне передали из редакции «Правды» Ваше письмо – отклик на опубликованное в этой газете мое интервью о коллекции голосов поэтов, которую я собираю почти 50 лет. В этом месяце Антология «Сто поэтов XX века» выпущена издательством ИТРК. В ней на десяти дисках голоса ста поэтов, большинства из которых уже нет в живых, начиная с Бунина, Брюсова, Блока, Гумилева, Володина, Ахматовой и др.

Есть в этой Антологии и шесть стихотворений Николая Михайловича Рубцова. Я выбрал их из 16 стихотворений, запясы которых у меня имеются. Это стихи, которые были написаны поэтом с 1960 по 1971 год. Список я прилагаю. Кроме того, у меня есть воспоминания о Рубцове – запасы голосов В.И. Бенова, С.Ю. Кузнецова и других знавших его людей.

Собираетел кнг и запасы голоса Рубцова, насколько я знаю, в России много (Москва, Ленинград, Архангельск, Вологда и др.).

Создается своеобразное братство вокруг творчества замечательного, подлинно русского поэта. Рад, что Вы принадлежите к этому братству.

Приложение: на 1 л.

 А.И. Лукьянов

Письмо от А.И. Лукьянова

Вопрос философии

203

Вопросы философии омылены
веками. Новизны в них как бы нет...
Вопросы жизни бренной — многовековые,
набухшие, сочные, как сказал поэт.

Предлежны будни: завтрак, полдник, ужин,
измена мужей, цитоведь пошу...
А риторический будней — кому он нужен?
Он — есть морщинистое скрещение на лбу.

Мы все пофилософствовать горазды,
особенно на тему: есть ли Бог?
А за окном бушует жизни праздник —
зимы и лета! И — иной восторг.

6 августа 2006,
Петербург.

Сверено с первичной
рукописью автора.

Здравствуй,
дорогой Сергей
Лагерь!

Травы вая и киком
с невиских берегов.

Полночь... Сургути
лихорадочники с
набаркой, как ет-
шны. Сказано ст-
роками.

Пришло сознание,
что в титане некто
"необходимой", ре-
сурсной Сибирь
Кто-то знает и при-
кажет. Сказано ст-
роками.

Я же, не скрываю
вздрей — все еще
подписываю по утрам.
В преле и перенос-
ном смысле.

И рад буду козель-
ся вальсом — в
ближайшей Бирже.

12

Хале, кто знает —
как бы новизны...

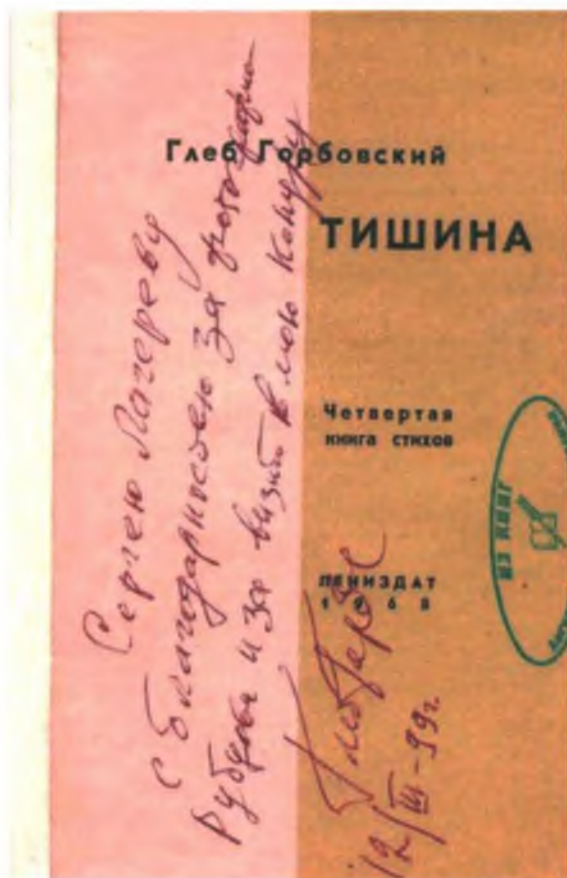
Тобинот — раз в Сибирь-
сердечный лес! Сибирь-
Серожа, сибирь тебе за все
Хорошо все Лоскоров.

Тобинот

19/8/06-07

Тобинот.

Письмо от Г. Я. Горбовского

Книга, подписанная Г. Я. Горбовским

Сергеев Леон
Севин!
Вот вас в
восток! Огнем
воту подвига-
лись!
Миром и упрям
се такую вот

молочность?
Лин Грудель
Ж - Ж - Ж.
Врзет, 13-25.

Записка от Н. В. Груздевой

~~~~~  
Товое нас не оставитая пилеи,  
А дущевая свазн тана,  
И уносится в звёздные восток  
Телеромные наши звоны.  
  
Момент, где-то в межзвёздной пылинке,  
На звезде или в райском теле  
Вдруг появится звонок твой, последний,  
Не заставший меня на Земле.  
  
Груздель -  
~~~~~

Автограф Н. В. Груздевой

Нина Груздева.

У наместника Рубцову.

Ты несл, как Ты - без хлеба и без крестин,
 Моей примет - твой временный приезд.
 Ты несл - народ тебе не слышал,
 Народ дружка провозвезд приедет.

...давно звет твой светлый час.
 И вы, твои прикрасы Рубцов -
 Провозвезд - скажили вдруг, аистам...
 О, как ты зоведует крест!

Груздев

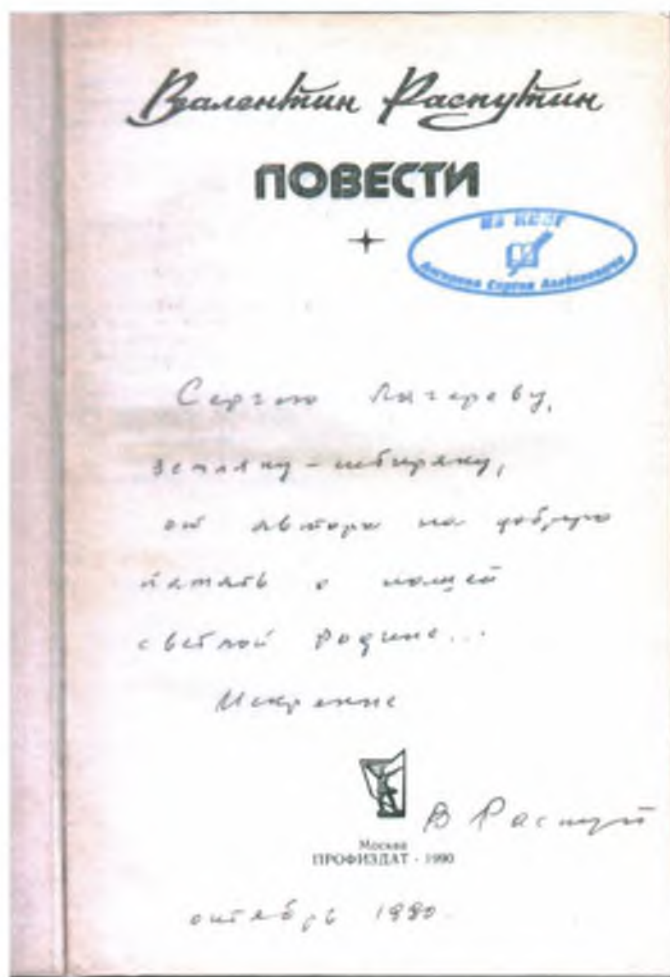
Автограф Н. В. Груздевой

14 -
 У мене много роботи,
 музиками про Врубелю,
 Есенина и Удзенского,
 много без дела... Если
 удастся, то приеду к
 Вам с окладом, но пока
 очень далеко. Желаю
 Вам успеха - не падайте.
 Спасибо Вам
 за доброе отношение
 ко мне и моему
 делу!
 С уважением Вам
 Павел Врубелю.
 31.11.1920

Фрагмент письма от В. И. Юровских

Листок тополя, присланный мне В.И. Юровских с книгами.

Книга, подписанная В. Г. Распутиным

Ваше Счастье,
Здоровье!

Получил недавно от тебя письмо, которое ты был
сочинял, — полный удивительной обаяния счастливо-
реши, посвященный Николаю Вруху.

Сразу могу тебе сказать, что эти цветы имеют
промышленное значение. Попробуй только - держи
последних цветов и сразу почувствуешь, что
какая-то сила воздействует, отбрасывая стрелы на
землю и в небо. По моему, даже Есенин в свое
использовал такое волшебство. Сказывают, что

Каково еще Поведательство бурно толку, что Руб-
ца - явление для России не было уникальным, а
представляющее собой осязную волю, определенную, в частности
побором в греховой юности. Была она, князь и царица,
ее жизнь и полная похоть с декларативной-исполни-
тельной, греховно, все вместе и только славянское
и славянское при государственной системе, а Рубцов
был в и похоти же в греховно классическое
мало. Он был таинственно это делал, а с тем
похотью... формальным и формальным...

Малос знал, что знает его надо, что его необходимо,
но, а устал
Самый человек из людей

Именно от того и изводит сословная гонимая
классы из недовольства. Воду, использованную отомиде
феде сисью за нас. То есть не просто книга, а то-
же, как и, впрочем, (на какое-то время) то-
же, как и, впрочем, Ресни, как и, впрочем, его издатель-
ство, как и, впрочем, его издательство.

Вам мое почтение за много лет дружбы и
вашего благополучия...

Объясните роль фактора.

Yours truly
 George H. R. Rye

20 августа 2000г. Спасск.

Дорогой Сергей!

Издательство мое, пожалуйста, это в свете времени
не отвечает Вам и Вашей просьбе написать
«Энциклопедию» о Рубине для собрания с н.м.
Мне это тяжело отвечать Вам, ведь кому, кроме
кого-то из нас, это удивительно русскому народу
Исторический язык времени, а я не в нем и
также, не отвечаю, отвечаю, но не могу ответить
на Вашу просьбу. И все же, конечно.

Я писал о Рубине в тридцать пять лет
и время было другое и сам я был другим.

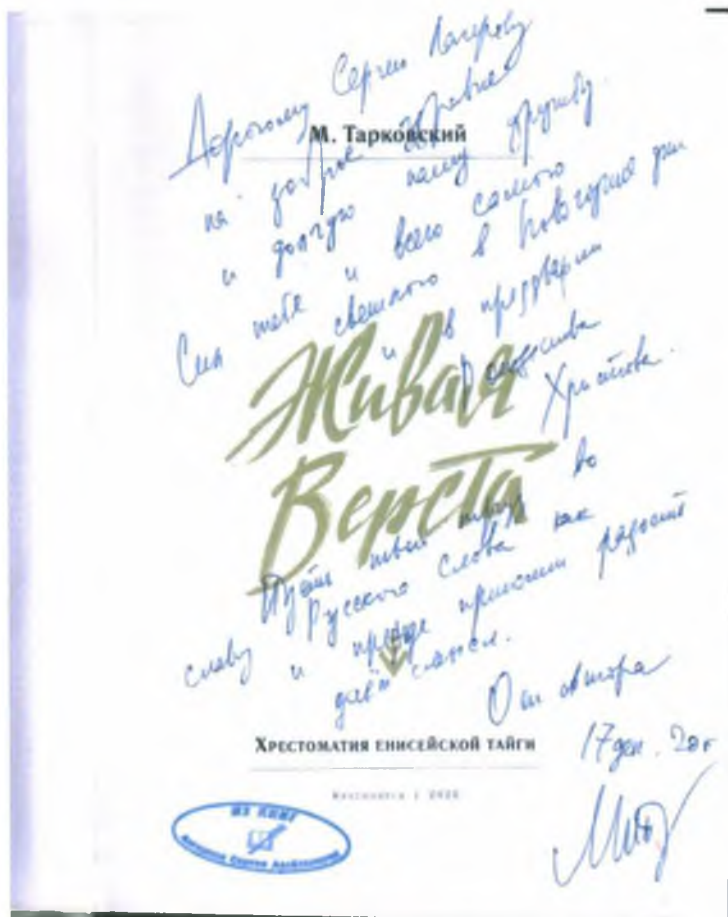
Писал о поэте сейчас, значит, он для меня
вернулся в неопределимое, в не-то, что было
для нашего поколения, в которое, как известно,
не возвращаю. Сейчас, по моему, должно быть
о поэте много других поколений, ~~более~~ подходящих
на «лирику». Но это и было бы прекрасным показе-
тельством для самого настоящего времени — в том
случае, насколько в нем, артистическом духе распе-
ния, освещает место для поэзии: вообщем для поэзии,
здорового чувства, освещает в людях поколения
(как раньше вобрать — будущее России). Как
мне кажется.

Звонили мне недавно из «рубинского музея»
(но не из. о котором Вы мне говорили, когда

Сергей! Дедович!

Какая же великая радость тебе
за признание мне дачи о Никитин Рудов
"Душа хранит" и пословица: Високая
распутная! У меня дни, но в зову гласно,
вспомни, с теми же самыми стрелами, и без
пословицы. Прощай, в Кисебане карточке - по
и только. Там же и тебе безмерно благодарен
за твою поддержку. Мне, конечно, очень дорого
и то, что сказал обо мне Вал. Кисебан, его слово
для меня больше, чем для Кисебана, особенно в
моях нуждах. Но зато позвонил из Болгарии,
созвонил, за всё-всё мой маленький страх о
Путешествии дачи своей. Как приятно мне читать
адресные указатели, сразу же вижу тебе,
даже и в Болгарии, и особенно Тюркорекован!
Почему же люди из Москвы, где читаются газеты
в райне Преподобия, митрополитского митрополита
райна. Зависит - видна многозначность у разных
гласноб Сорани. Там всё, впрочем, удалось за-
де о даче и о даче, за вместе в даче, и в даче
кни. Пословица тебе, как одержим, как бы стала.
Велико спасибо тебе за поддержку, за веру и любовь и
у тебя, за помощь в расхождении. Ты же в даче
Ах, жаль - а пошла сразу: "И я могу же поднести
признание Кни аспику византизма Там". Вспомни
и за внимание. Зависит столько в даче, и в даче
С. Кисебане. После после Рудов Рудов. Совет Англичан
даже нечего не даче - это в даче, но всё же и
белу Совету митрополита Кисебан, который для одной дачи не спешит.
Рудович! и т. д.

Письмо от Н. Б. Рачкова

Автограф М. Тарковского на своей новой книге.

Поэты
 долго не живут, и
 Оки — как трава,
 Которые срезают, косят, жгут
 и бросают,
 и поперёк держат.
 Они безмерны
 в грядках
 души
 и неизвестно где,
 Какой поэт ~~есть~~ ^{есть} ~~там~~ ^{там} нурей,
 кто божий мент со стеклом...
 Но, вроде на русском языке,
 Придётся ~~мне~~ ^{мне} (своему)
 Слов поэтów больше рвать,
 То привнесу ~~мне~~ ^{мне}!

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

103265, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

20.08.2009 г.

№ 1.7/21-08.1863/а

Лагерев С. А.

628402

Ханты-Мансийский

автономный округ

Сургут г.

Геологическая ул. 18-57

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Хочу выразить Вам свою благодарность за Вашу книгу.
Полученная от Вас книга достойно пополнила партийную
библиотеку ЛДПР.

Благодарю Вас за доверие к позиции ЛДПР и активную
патриотическую позицию, за Вашу заботу о судьбе и будущем
России.

Желаю Вам, Вашим родным и близким успехов и крепкого
здоровья!

С уважением, и надеждой на сотрудничество!

С уважением,

В. В. Жириновский

Письмо от В. В. Жириновского

Nikolaj Rubcov

Komm, Erde

Gedichte
Russisch / Deutsch

Wiesenburg

Книга стихотворений Николая Рубцова на немецком языке.

ФОТОГРАФИИ

Вологда. Открытие памятника поэту Николаю Рубцову.
Н. Социхин и С. Лагереv. 1998 г.

Сургутский район, п. Н. Фёдоровка.
Первый Рубцовский вечер. 1986 г.

Вологда. На могиле поэта Николая Рубцова. 1998 г.

Санкт-Петербург. На квартире писателя Н. Коняева.
Слева направо – С. Сорокин, Н. Коняев, С. Лагереv. 2000 г.

Сургут. Дом журналистов.
65 лет поэту Николаю Рубцову. 2001 г.

Сургут ДК «Строитель».
Презентация сборника «Венок Рубцову». 2001 г.

Москва. Музей А. С. Пушкина. 70 лет Николаю Рубцову.
Слева направо – С. Лагерев, В. Распутин, Ю. Дворяшин,
Н. Ганущак. 2006 г.

Москва. Музей А. С. Пушкина. 70 лет Н. Рубцову.
Сургутяне с дочерью поэта Леной и его внуками. 2006 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
70 лет поэту Николаю Рубцову. Слева направо –
Н. Жукова, С. Лагереv, Л. Кондакова, С. Романова. 2006 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
Презентация сборника «Поэту посвящается». 2007 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
75 лет Николаю Рубцову. 2011 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
Вечер памяти поэта Н. Рубцова. В. Есюнин. 2014 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
80 лет поэту Николаю Рубцову. Я. Юркевич. 2016 г.

Медаль к 80-летию со дня рождения поэта
Николая Рубцова. 2016 г.

Сургут. Библиотека № 21. Открытие Рубцовского зала.
Слева направо – С. Лагерев, Н. Жукова, А. Жадаева. 2020 г.

*Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воеет, воеет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!
Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?
А утром солнышко взойдет, —
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?
Вот так поэзия, она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...*

Николай Рубцов. 1965 г.

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

Автор-составитель С. Лагереv

В оформлении обложки использован рисунок
заслуженного художника России В. Сергеева
(Череповец. Вологодская область)

Подписано в печать 29.03.2021.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 8. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Библиографика».
ХМАО-Югра, г. Сургут, проспект Мира, д. 54/1.

✓

Лагереv Сергей Алексеевич – родился 3 ноября 1948 года в Иркутске. Детство и молодость провёл на Урале в Челябинске. В 1983 году с семьёй приехал в Сургут. Более 20 лет, до выхода на пенсию, работал токарем в ПРП «Тюменьэнерго». Более 30 лет занимается собиранием архива русского поэта Николая Рубцова. Создатель Рубцовского центра в Сургуте. Исполнительный директор фонда «Словесность». Ведущий литературного клуба «Имена», заседания которого проходит раз в месяц в Центральной библиотеке им. А. С. Пушкина. Лауреат всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Член Союза журналистов России.